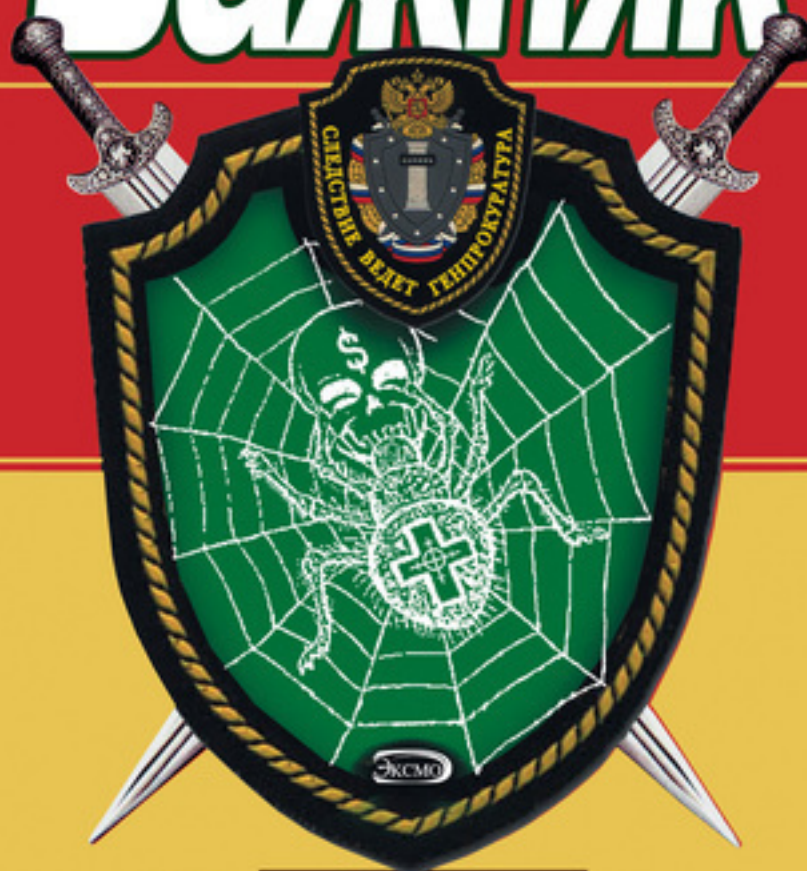

Вячеслав Денисов

Важняк

Презумпция
виновности

Важняк

Вячеслав Денисов

Презумпция виновности

«ЭКСМО»

2005

Денисов В. Ю.

Презумпция виновности / В. Ю. Денисов — «Эксмо»,
2005 — (Важняк)

Следователь по особо важным делам Генпрокуратуры Кряжин расследует чрезвычайное преступление. На первый взгляд ничего особенного – в городе Холмске убит профессор Головацкий. Но «важняк» хорошо знает, в чем причина гибели ученого, – изобретению Головацкого без преувеличения нет цены. Точнее, все-таки есть, но заоблачная, почти нереальная – сто миллионов долларов! Мимо такого куша не сможет пройти ни один охотник... Однако задача «важняка» не только в поиске убийц. Об истинной цели командировки Кряжина не догадывается никто из его команды, как местной, так и присланной из Москвы...

© Денисов В. Ю., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вячеслав Денисов

Презумпция виновности

Все персонажи в романе вымышлены. Совпадения с реальными лицами и событиями случайны.

Глава первая

Повезло именно на Приморской. В том месте, где ни один нормальный таксист не задержится даже на минуту. В этом районе живут наркоманы и алкоголики еще со сталинских времен. Тогда данная категория граждан именовалась «морфинистами» и лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда, то есть – врагами народа. Прошло шестьдесят с лишним лет, и ничего не изменилось. На Приморской, пронизывающей квартал под названием «Полтинник», по-прежнему жили не самые лучшие люди Холмска.

Сашка Пикулин работал таксистом третий год. Как известно, таксисты – самый дотошный и ушлый народ в мире. За словом в карман не лезет, за сдачей – тоже, если того не требуют обстоятельства в лице не менее ушлого клиента. Короткий путь до места назначения выбирает только для себя, когда идет в магазин, и вообще способен провезти клиента от пункта А до пункта Б, расположенных в двухстах метрах друг от друга, через Нахаловку и оба городских моста. Подвозит до Б, разворачивается и говорит одетому в строгую «тройку» очкарику:

– Мука, а не езда. И каждый норовит ехать от одного конца города в прямо противоположный.

Три сотки как с куста.

Очкарик мог пройти до телецентра пешком, но сел в машину. Адрес назвал по бумажке. Несколько раз сказал «пожалуйста», дважды спросил: «Вы знаете, где это?» – и все тряс своим кейсом, с ручки которого не успел снять авиабирку со словом «Москва». После всего этого просто грех не показать ему город.

Жизнь Саньки складывалась, как у многих. Школа, армия, не сдал вступительные в вуз, маленько побыл без работы. Чуток отсидел, дело прошлое... А кто, позвольте вас спросить, нынче не «заезжает»? Месячишко побродяжничал после отсидки, погулял и вдруг вспомнил, что он – кандидат в мастера по автоспорту, во-первых, и имеет дядьку, во-вторых. Долго не метался и нытье бывалых таксистов слушать не стал. «План – пять соток... Ремонт... Бензин...» А раньше по-другому было, что ли? Вон дядька у Саньки, который его и затащил в таксопарк, в былые годы на старенькой «ГАЗ-24» на квартиру накопил, а в нынешние – на новенькую «шестерку». Тут дело не в плане и не в цене на бензин. Дело в голове. Если все светофоры по дороге собирать да от ментов шарахаться, тебе не только на хлеб хватать не будет, но и должен после смены оставаться будешь. Впрочем, у Саньки был дядя, а у других таксистов не было. Кто бы им объяснил, что вместо того, чтобы включать по дороге музыку да молчать, настоящий таксист должен, проезжая по улице, рассказывать небылицы из истории города и уводить сознание клиентов не в направлении нужного движения, а в сторону.

Смена близилась к концу, и Санька быстро подсчитал в голове излишек, который должен остаться в кармане после посещения кассы. Выходило неплохо, что-то около шестисот рублей. В День Победы или, скажем, в День города бывало и получше – до трех планов только домой приносил. Но все праздники уже закончились, следующие только в феврале—марте. Так что неплохо, неплохо...

И вот тут, уже почти направляясь в парк, он заметил мужика с женщиной, которые стояли на вымершей от ночной мглы улице и просили остановиться. Санька крикнул и стал вывора-

чивать руль вправо. Лишний полтинник не помешает. Да и жаль парочку – градусов за бортом никак не менее двадцати пяти.

Если бы он проехал мимо, то он проехал бы не только мимо ночной пары, но и всего того, что ожидало его впереди. Но когда притормаживал на обочине, он думал лишь о том, что мужик с женщиной – это хорошо. Главное, чтобы не муж с женой. В этом случае никто куражиться перед бабой и лишние десятки чаевых на сиденье метать не станет.

– На «Полтинник», – нырнув под крышу, просяще выдавил молодой мужик и впустил поток холодного воздуха.

Санька кашлянул.

– Я в это время не только на «Полтинник», но и к райотделу милиции не поеду.

– Зачем же остановился? – удивился мужик.

– На тот случай, если вы с женой около таксопарка проживаете. – Скосив взгляд на даму, Санька увидел в ее руках маленький букет цветов и понял, что обманулся. За свои тридцать два он еще ни разу не видел мужа, который бы в два часа ночи дарил цветы супруге. – А что по деньгам?

Спросил так, на всякий случай. Если ляпнет мужик – «две сотни», тогда можно еще пятнадцать минут руль повертеть. На табло в конце поездки высветится рублей шестьдесят-семьдесят, а за «тройной счетчик» грех не потрудиться.

– Триста хватит?

– Триста... – Санька призадумался. – Скромно, барин. Сам понимаешь, обратно пустым идти. Пятьдесят бы накинуть.

Мужик саркастически ухмыльнулся и поманил даму рукой.

Потом склонился к ней, поцеловал... и полез в машину один.

«Вот так нас и делают, фраеров», – с досадой подумал Сашка, вспоминая, где лежит отвертка.

В центре «Полтинника» мужик вышел. Сначала Санька хотел выйти вместе с ним, с отверткой. После того как не увидел деньги, которые должны были появиться над его правым плечом. Но потом понял, что горячился зря: клиент обошел машину и протянул четыре сотни через опущенное стекло. И стал ждать. Пришлось дать сдачу, что, впрочем, Сашку не огорчило.

Задача, стоящая перед ним, как и перед каждым таксистом, – черпать из трудовой деятельности максимальную выгоду для себя и минимально допустимую для предприятия. До новенькой «девятки» в его казне под подоконником не хватало около пяти тысяч, поэтому он не смог удержаться от соблазна положить туда еще некоторую сумму, сокращающую расстояние от него, бесколенного в быту, до него, владельца новенького авто. Потому и поехал. И по той же причине не смог проехать мимо джентльмена, машущего рукой на самом выезде из «Полтинника».

Понимая, что фарт покатило (в этом районе такси не ловят), Сашка остановился и переложил отвертку из-под сиденья под левую ногу.

Джентльмен был нетрезв. А точнее – чертовски пьян.

– Дружище... это... – Он повис на двери «пятерки», как раненый, и наморщил лоб. – Куда же мне надо?

– Наверное, в город, – подсказал Санька.

– Точно. – Пьяница с кейсом открыл двери и залез в салон. – В Холмск.

– Не ближний путь, командир, – сказал Санька, обернувшись к пассажиру с таким видом, словно машина его стояла не в Холмске, а в полутысяче верст от него.

– Я плачу, – сказал клиент Сашке, будто руководителю цыганского хора.

– Понятно, что не я. А в Холмске куда?

– Покажу, – снисходительно буркнул пассажир, булькая чем-то на заднем сиденье.

Через минуту салон наполнился запахом дорогого спиртного и звуками храпа. Удовлетворенный, Санька заглушил двигатель, сунул в рот сигарету и со вкусом выкурил. Обернувшись, нашел за сиденьями выкатившуюся из рук пассажира бутылку, крышку, завернул и сунул тару в карман его дубленки. Санька знал многих из таксопарка, кто на его месте сейчас просто ошмонал бы клиента, снял золотые часы, забрал кейс, шапку и высадил его, пустого, на первой же остановке общественного транспорта. Но он так не сделал бы никогда. Он и в зоне-то пятерик отсидел почти за просто так, по глупости. Будучи подшофе, подвизался на разборки по возврату долга, а уже в милиции выяснилось, что это был вовсе не долг. Потом пять лет числился под Хатангой «мужиком», понятия имел, но не дурил. Облапошить клиента – это пожалуйста. Точно так же продавщицы высверливают отверстия в гирьках и заливают алюминием. Так же официанты насчитывают на харчо и оливье по паре лишних рублей. Но чтобы лазить по карманам пьяного клиента – то не по Саньке.

Вместо досмотра он похлопал пассажира по щеке.

– Можешь начинать показывать. Холмск, сэр!

– Значит, так. – Клиент хрюкнул, потом заговорил, а уже после открыл глаза. Получилось вразной – сначала открылся правый, затем левый. – Пятый таксопарк знаешь?

Таксопарк был в городе один, именовался он «пятым». Это как школы в крупных городах. Есть какая-нибудь восемьсот тридцать пятая, но это не означает, что в городе есть еще восемьсот тридцатая. Просто так захотелось. И Санька подтвердил, что такой таксопарк знает.

А мужик сказал, что живет в доме на улице Столетова. Это не доезжая до таксопарка двух кварталов.

– Ты, брат, отдыхал в другой стороне от того места, где планировал делать это утром, – отметил Пикулин. – Улица Столетова появится через два квартала после того, как мы минуем таксопарк, а не перед ним.

– А какая разница? – пьяно качнувшись за спиной Саньки, удивился пассажир. – Два квартала до, два квартала после... Улица Столетова-то одна, правильно?

– Формально ты, конечно, прав, – небрежно прошелся по второстепенной теме таксист и тут же переориентировал клиента на основную: – У тебя деньги-то есть?

– Плачу по счетчику, – вызывающе заявил мужик. – Пятый таксопарк знаешь?

– Знаю.

– Так вот, не доезжая до него два квартала, будет улица Столетова. Восьмой дом. Третий подъезд.

Сашку задело. Он хотел сделать так, как ему приказывал этот невменяемый: проехать таксопарк, улицы Маркса, Столетова, еще с десятков перекрестков, доехать до конца города – Кулацкого поселка, потом развернуться по соседнему переулку, вернуться обратно и, не доезжая двух кварталов до пятого таксопарка – как ему и велели, высадить пассажира на улице Столетова.

Но он был чересчур истрепан рабочими сутками. Просто довез пассажира до указанного места, сорвал с кассы выползший чек на пятьдесят четыре рубля с мелочью, сунул в карман, а клиенту объявил сумму и вручил другой, на четыре сотни.

На той же улице Санька заглушил двигатель и пересчитал деньги. Пятьсот за план тут же утонули в наружном кармане куртки. Тысяча с лишним за сверхурочные – во внутреннем. До новенькой «девятки» оставалось три восемьсот. Можно было взять подержанную, и уже давно, но Геннадий Владимирович Шельмин, дядя Саньки, сказал, что если хочешь мучиться – возьми с рук. Хочешь ездить без проблем и постоянно менять новую машину на новую – первую покупай в магазине. В сфере автовладения Шельмин был для Саньки авторитетом, поэтому воспротивиться мнению дяди Пикулин не мог. Водила с тридцатилетним стажем всегда умнее того, чей стаж чуть больше пятнадцати. Для тридцатидвухлетнего парня пятнадцать лет за рулем – это просто подвиг, но тринадцать из них Санька просто гонял по стадиону. И

когда исписанная рекламой «восьмерка» ломалась или билась, то при этом голову ломал не он, а техники.

Санька включил зажигание и поехал в таксопарк. Но уже у входа, перед огромной урной, притормозил. Негласное правило – заезжай в парк чистым, чтобы твоему сменщику перед выездом не пришлось выбрасывать из салона пустые бутылки, окурки и прочий мусор.

Вот тут-то Санька и понял, что день хоть и заканчивается, но не совсем по его плану. На заднем сиденье его «пятерки» лежал черный кейс импортного исполнения с шифровыми замками.

– Вот дела. – Пикулин, вспомнив, кому принадлежал чемоданчик, почесал затылок. Эту вещь он видел в руках абсолютно пьяного мужика, привыкшего подъезжать к дому непременно с северной стороны.

Деваться было некуда. Санька знал, где живет последний клиент, а клиент, проснувшись поутру, обязательно вспомнит, что ехал домой на такси. Получается, он знает, где Сашка работает. А в качестве доказательства предъявит директору таксопарка чек за проезд. Очень быстро будет установлено, что чек отбит не кассой такси, а контрольно-кассовой машиной магазина автозапчастей «Пятое колесо». И продавец обязательно вспомнит, кто у него вчера покупал полусинтетическое масло. Когда выяснится, главмех вспыхнет как порох – Санька вчера предъявил ему фискальный чек и копию чека на семьсот сорок рублей, а, оказывается, масло он покупал за четыреста с копейками. Снежный ком какой-то... Не хватало еще неприятностей.

Выдернув из салона кейс, он бросил его на переднее сиденье, захлопнул дверцу и въехал на территорию таксопарка. Сдал кассу, ополоснул машину и вручил ключи главмеху. Сменщик опаздывал, но это не означало, что из-за этого должен задерживаться он, Пикулин.

– Ты чего это с «дипломатом», как атташе? – заметил главмех. – Капусту на дороге рубишь так, что она уже в карманах не умещается?

Саньке завидовали, он это знал. Из-за дяди ему, как новичку, и «Волгу» раздолбанную, после двух капремонтов, всучить не удалось, и фортуна в городе ему всегда улыбалась. Да и водил он – любо было посмотреть.

– Не твое дело, – огрызнулся Санька и отдал главмеху законный полтинник. Когда ты с понятиями, проблем с машиной у тебя не будет. Это молодняк за рулем весь день гнется, с главмехом не делится, потому и запчастей для них нет, потому и машины старые, потому и план не выполняется. Потому такие и не живут в парке долго. Полгода – год, и уходят, судьбой обиженные.

– Андрюхе скажи, что шаровая постукивает. Ты, кстати, говорил, что новую поставил, а?

– Конечно, новую! – рассердился главмех. – Гоняете по ямам, как пацанье, потом у вас то сзади постукивает, то спереди поскрипывает...

Обычный для этого времени суток разговор. О чем еще можно говорить, если одному спать хочется, а второй только проснулся и ждет следующую машину?

Обычно сменщики друг за другом заезжают, но Санькин сменщик жил в ста метрах от парка, поэтому до машины добирался пешком.

Выйдя из парка, Санька направился, конечно, на улицу Столетова. Нужно прийти первым и отдать кейс самому, пока проспавшийся гражданин не заявился к директору и не начал рассказывать о том, как его обокрал работник таксопарка. У дяди с директором постоянные «трения», он в этом деле не помощник. Мало того, директор не упустит случая подгадить Геннадию Владимировичу. Самого Шельмина директор ущипнуть не может – тот ветеран и в коллективе большим авторитетом пользуется. Зато директор запросто может вышибить из парка его племянника. А вот чего Саньке совсем не хотелось, так это потерять доходную работу.

Было бы лучше, если бы мужик ждал его на перекрестке. Однако на это Санька сильно не надеялся, так как хорошо помнил, в каком состоянии тот с ним попрощался.

Как и предполагалось, мужика на перекрестке не оказалось. Не оказалось его и около третьего подъезда. Тогда Сашка, медленно поднимаясь по лестнице, словно на что-то надеясь, стал осматривать двери квартир. На втором этаже ему повезло. Одна из дверей, самая правая из четырех, оказалась приоткрытой.

– Эй, – подал он голос в приоткрытую дверь. – Есть тот, кто не спит?

Если клиент в забытии, а, скорее всего, так оно и есть, нужно заставить жену разбудить его, чтобы он осмотрел содержимое кейса и убедился, что все на месте. А то отдашь вот так, по-хорошему, а тот завтра с предьявой заявится. Были, скажет, деньги, а теперь их нет. Хотя... Этот мужик вчера мог их пропить – не вопрос! – а сейчас с бодуна заявить, что их нет по другой причине. Ох, дела... Но все-таки так лучше, чем вообще не прийти. Чек этот, будь он проклят. В кармане дубленки – Сашка видел, как клиент его прятал. По чеку обязательно найдут. Масло полусинтетическое... «Пятое колесо»...

Уже на пороге его встретила темнота, свидетельствующая о том, что в этой квартире не включен ни один из возможных источников света. Забыли на ночь дверь запереть, что ли?

Санька вошел в квартиру, почему-то уверенный, что попал именно туда, куда попасть и хотел, – в квартиру подпитого, хорошо одетого мужика, жадничающего на чаевые, но щедро платящего, когда его обставляют, как последнего лоха.

Еще один шаг вперед, и Сашкино зрение уловило узкую полосу света, бьющую из-под филенчатой двери закрытой комнаты. Он подошел к ней и осторожно постучал. Ответом ему была тишина, и он постучал еще раз, только теперь более громко.

Дверь в комнату никто не открывал, однако и никаких звуков из-за нее не слышалось. Санька вдруг с ужасом подумал, что тот мужик живет совсем не в этой квартире, что ее хозяин ушел на улицу выбрасывать мусор, сейчас он вернется, застанет Пикулина в своей квартире и вряд ли станет выслушивать бредовые объяснения таксиста. Приедет милиция, Саньку арестуют, вскроют в отделе кейс, найдут там две отрубленные руки, и... И все. После имеющейся судимости за грабеж его никто и слушать не станет. На следующий день обнаружат на «Полтиннике» туловище без рук, и... И теперь уже точно – все.

Если бы не этот дурацкий чек!.. Да желание пополнить сумму под подоконником, увеличивающуюся с каждым днем!

А если это и есть та самая квартира? Жилище, в котором этот проклятый кейс привык стоять за тем креслом, что у стены? И потом, чего уже бояться? Его с успехом сдадут ментам что при открытой двери в эту комнату, что при закрытой. Вдохнув полные легкие воздуха, Санька отогнал от себя призрак нар и толкнул створку...

И тут же выдохнул.

Квартирой он не ошибся. Наитие привело его как раз в нужное место. В квартиру мужика, который был в состоянии назвать правильный адрес, но не в состоянии сориентироваться во времени и пространстве.

Пассажир, который час назад проявлял жизненную активность, сейчас лежал на полу, и из его перерезанного от уха до уха горла давно перестала течь кровь.

Он лежал уже без дубленки, но в том костюме, который Санька заметил на нем во время посадки и прощания. Серый пиджак с черными брюками, явно от европейского производителя, яркий галстук, который теперь набух от пропитавшей его крови, узконосые ботинки с еще не стертymi подошвами... Нет, с деньгами у этого человека было все в порядке. Он имел полное право сесть в Холмске в такси и приказать ехать в Холмск. Через Владивосток.

А теперь он лежал, раскинув руки, словно для объятий с апостолом Петром, втиснув свою голову между ножками стула и боковиной компьютерного стола. Санька ни за что в жизни при других обстоятельствах не сделал бы вывод о том, что это стол компьютерный. Он бы просто сказал – между ножками стула и столом. Но кровь, залившая весь экран и собравшаяся

каплями на кнопках клавиатуры, заставляла его сделать обязательный акцент – стол компьютерный.

Рядом с телом лежал распахнутый бумажник, из толщи которого мужик доставал деньги, чтобы расплатиться, и Санька, вспомнив, как тому было тяжело найти среди крупных купюр мелкие, понял, что кошелек не тронут. Он по-прежнему пухл, как набитый кашей карапуз. Значит, того, кто осматривал у бывшего Сашкиного клиента гланды, деньги не интересовали. Быстрый осмотр обстановки подтвердил этот вывод. На журнальном столике лежал мобильный телефон – довольно дорогой, рядом – золотые часы, а на скрюченном безымянном пальце левой руки злорадным огоньком поблескивал ограненный алмаз в золотой оправе. Нет, деньги кого-то точно не интересовали...

Не понимая, зачем он это делает, Санька шагнул к телу и только сейчас понял, что его заинтересовало – почему палец-то скрюченный? Вглядевшись в руки, раскинутые, как крылья, он понял, почему. Потому что по меньшей мере шесть пальцев из десяти были сломаны.

Сглотнув сухой комок, Санька выпрямился и быстро вышел в соседнюю комнату.

– Черт поberi, – яростным шепотом, словно его мог кто-то слышать, выругался он. – Что за ночь... Бегом отсюда, Пикулин, бегом.

Выйдя на площадку, он бесшумно притворил за собой дверь и, так же бесшумно переставляя кроссовки, стал спускаться.

Осторожно приоткрыл дверь подъезда. В лицо мгновенно пахнуло уличным морозом. Вокруг – тишина, если не считать гудящей на окраине города ТЭЦ. И ни души. Саньку такое положение вещей весьма устроило. Он выскользнул из двери и прошел вдоль дома. Выходить на дорогу не решился. Прошелся дворами, спустился к набережной Холки, около километра шел вдоль воды и наконец поднялся по лестнице вверх. Это уже другой район. Его район. Еще пятнадцать минут ходьбы кругами – и он дома.

Если нужно, настоящий таксист найдет самый долгий путь до цели даже для самого себя.

Пикулин разобрался в своем состоянии только тогда, когда переступил порог своей квартиры. Еще когда он разувался, его била мерзкая мелкая дрожь. Пальцы с трудом управлялись с замками на ботинках. Скинув обувь, он прошел в комнату и рухнул в кресло. Во рту появился привкус меди, и небо пересохло, как наутро после хорошей выпивки. После исторического для него вышибания «долга» Санька редко употреблял спиртное, и не из-за того, что на следующий день приходилось садиться за руль. В его холодильнике сменщик, приходя в гости к товарищу (друзей Санька нажить за свои тридцать два года не успел, а вот товарищей хватало), мог всегда обнаружить пару-тройку пива или бутылку хорошего коньяку. При этом сам Пикулин присоединялся к распитию неохотно. Санька избегал спиртного, и именно поэтому, как ни странно звучит вывод, оно всегда водилось в его доме. Бесцельному питью пива перед телевизором он предпочитал употребление точно в момент, когда это необходимо. Либо когда появится желание.

Как сейчас.

Встав на ноги, он почувствовал, насколько они непослушны. Словно кто-то вынул из них мышцы, кости и набил ватой. После смены он всегда чувствовал себя разбитым, но глубокий сон ночью и мини-зарядка для полного пробуждения утром быстро восстанавливали силы его молодого организма. Сейчас он понимал, что завтрашняя зарядка отменяется по той причине, что он вряд ли сможет сегодня заснуть. Значит, и пробуждаться не от чего. Шок от увиденного прошел у него не тогда, когда он, стоя посреди залитой кровью квартиры, стал быстро принимать верные решения, а именно сейчас. Миновал шок, и начался депрессивный откат. Вот они, последствия потрясения, налицо: тремор в руках, привкус чужой крови во рту и ноги как клоунские ходули.

В холодильнике стояла бутылка «Старки». Он даже не помнил, когда последний раз вынимал ее оттуда. Поискал стакан – не нашел. И вернулся в комнату с бутылкой в одной руке и куском копченой ставриды, выловленным там же, в холодильнике, в другой.

Санька выпил треть бутылки и остановил себя только тогда, когда подумал: «Это не минералка, это водка». Странно, но она пролилась внутрь именно как вода. Копченая ставрида даже не понадобилась, но он старательно сжевал этот кусок.

Вытряхнув из пачки сигарету, он накинул куртку, вышел на балкон и предался воспоминаниям.

Вот он толкает дверь... Свет бьет в глаза, но, поскольку зрачки уже привыкли к полоске света под дверью, этот сноп из хрустальной люстры уже не слепит. Да, Санька точно помнит – люстра была хрустальная, трехрожковая. На полу, раскинув руки, лежит его бывший пассажир и... И рана на горле напоминает буффонадную улыбку клоуна на детском празднике. Почему на детском?

Санька задумался и вспомнил. Он видел клоуна на детском новогоднем утреннике, куда подвозил в последних числах декабря молодую маму с ребенком. Она попросила таксиста донести сумку и детский новогодний костюм. Сашка тогда охотно повиновался, молодая мама ему очень понравилась. От денег отказался. С ребенка брать... По счетчику, и хватит.

И вот там, на празднике, вместе с уже поддатым Дедом Морозом и явно не от мороза розовой Снегурочкой прыгал клоун. И рожа у него была вся настолько замазана яркой краской, что блестела, как мокрая луна. На роже, от уха до уха, была расквашена улыбка. Сашке было неизвестно, что при виде такого персонажа на празднике чувствуют дети и их родители, но вот лично он с этим клоуном в лифт один ни за что не вошел бы.

Горло мужику перерезали, по всей видимости, поставив на колени лицом к окну. Только так на шторах, компьютере и кровати могло оказаться столько крови. А потом, когда напор поутих, черная кровь стала выливаться мягкими толчками, выталкивая себя волнами до середины комнаты. Она залила озером пол, и три глаза от лампочек на рожках люстры, отражаясь от черной блестящей поверхности, смотрели в Сашкино лицо ликом уродливого существа...

Санька тряхнул головой. Откуда он это знает?.. В смысле – как горло резали? Знает, потому что полгода назад видел по телевизору, как чеченские подонки перерезали горло молодым солдатам-«срочникам». Вот там так же нож шастал по горлу, и кровь...

Так, где водка?

И он показал доннышко бутылки косоглазой луне.

А потом шумно выдохнул запах «Старки» из легких в холод ночи, вернулся в комнату и размял сигарету в пепельнице. Он никогда не вел себя по-свински не только там, где жил, но и везде, где находился. Бросить окурков на ухоженный газон Санька не мог. Вообще, он был не Санька, а Александр Николаевич Пикулин. Сын прораба со стройки и швеи с «Холмскшвейпрома». Три года назад родители оставили ему однокомнатную квартиру на окраине города, а сами уехали в подготовленный для них дом неподалеку от Мирного. Зарабатывалось там хорошо, морозы, по всей видимости, папа с мамой переносили тоже неплохо, и потому после окончания контракта, а это случилось год назад, они по телефону сообщили, что остаются там навсегда и, если что, ждут сына к себе. Там пустует ставка мастера по уходу за буровой техникой. Сын написал, что работу он может найти и поближе, и потом, они прекрасно знают, что он водитель, а не специалист по сверлению планет. Если что – пусть лучше они к нему. Санька стал копить на «девятку», мама с папой добавляли в казну по толике в месяц. В прошлом году телевизор ему купили. Хотя это они думают, что купили. Эти пятнадцать тысяч легли под подоконник, а Санька отписал в Мирный, что такого изображения, как на его телевизоре, нет ни у кого из его знакомых. В общем, жизнь очертилась.

И вот тут такое...

Где «Старка»?

Она была неподалеку, стоило лишь протянуть руку. Однако Санька остановил взмах на полпути и встал из кресла. Очевидно, шок покидал его окончательно, раз он вспомнил, что до сих пор в куртке.

Скинув одежду и войдя в ванную, он мылся, скребся, брился – словом, делал все, чтобы по выходе оттуда быть как можно меньше похожим на того человека, что стоял посреди залитой кровью комнаты. Уже выключая воду, он твердо решил забыть обо всем случившемся, вычеркнуть из памяти, как тот эпизод из детства, когда пьяный мужик забивал краем лопаты маленькую бродячую собачку. Кровь тогда брызгала, как из детского водяного пистолета, летела в стороны, и в ушах маленького мальчишки стоял истерический визг умирающего существа...

Забыть сразу же, как только войдет в комнату. Лечь спать. И не вытряхивать из кладовой памяти того, как он заработал на пьяном клиенте лишние четыре сотни. Хотя и не зарабатывал он. Так, наказать маленько решил... Но что такое четыре сотни? Тринадцать долларов, даже меньше. И такая бодяга из-за этой суммы... Выйдя из ванной, Санька прошел в коридор, протер как следует ботинки – с детства не выносил неряшливости, развернулся и уже собирался было выключить в прихожей свет...

Ну, спрашивается, зачем он повез эту пару с букетом на «Полтинник»?! «Все тебе денег мало!»

У порога, привалившись к запертой двери, стоял черный кожаный кейс с цифровыми замками. Весь путь от улицы Столетова до дома Санька нес его с собой, и ему даже не пришло в голову, что в руке болтается лишний предмет. Не просто предмет, а довольно объемный предмет. Нет, значит, шок присутствовал и в тот момент, когда он лез в холодильник, уже решив, что потрясение миновало.

Ничего подобного. Он не пришел в себя до сих пор, раз не понимает, почему не бросил чемоданчик в той квартире. Зачем он волок его с собой? Ответ на этот вопрос нужно поискать в джунглях тех ощущений, которые Санька испытал, войдя в комнату незапертой квартиры.

Глава вторая

Кирилл Сергеевич Желябин в мае отпраздновал свой тридцатипятилетний юбилей и два года пребывания в должности начальника отдела по раскрытию тяжких преступлений. Так уж получилось, что эту должность он принял в тот день, когда вступил в возраст Христа. Это не было подарком, в том, что Желябин займет это место, никто не сомневался. Кирилл был опером от бога.

Утром двадцать девятого января 2005 года он прибыл на работу и вошел в свой кабинет, как обычно, раньше всех своих сотрудников. Если его подчиненные являются к половине девятого, за десять минут до утреннего селекторного совещания, то Желябин считал своим долгом приходить на работу в восемь. Утром это единственный способ быть информированнее подчиненных, а нет начальника более жалкого, чем начальник, не знающий, что произошло минувшей ночью.

Едва он вошел в дежурную часть, чтобы получить эту информацию, как тут же стал объектом внимания.

– Кирилл, – обрадовался ему, как старому должнику, старший оперативный дежурный по ГУВД. – Очень хорошо! Очень!

Это должно было означать для начальника «убойного» отдела, что ночь, уходя, оставила следы.

– Пять минут назад прилетело сообщение со Столетова, что в квартире обнаружен нехороший труп, – подтвердил догадку дежурный.

– Чем он нехорош? – Людей, встречающих его подобными заявлениями, Желябин также не жаловал приветствиями.

– Перерезанным горлом, – чихнул простывший за ночь капитан. – Старуха из соседней квартиры вышла кошку выгулять, смотрит – дверь в квартиру напротив распахнута. Кошка шмыг туда... – Он не удержался и еще раз чихнул. – Будь все проклято... Покричала хозяев у порога и зашла. Группа уже уехала.

– Кто кричала и зашла? – уточнил майор, который из повествования, перемешанного с чиханием, ничего не понял. – Кошка?

– Да какая, блин, кошка?! Бабка зашла! Пошла кошку из хаты выуживать, зашла в комнату, а там мурка ее сидит, как у водопою, и мазню кровавую с пола слизывает!

– Что ж она, старая, кошку голодом морит? – нахмурился Кирилл. Настроение было испорчено.

Дежурный разозлился. Последние два часа его мучил приступ ринита, и еще не хватало, чтобы над ним изгалялся начальник «убойного» отдела. Не бог весть какая шутка прозвучала, но беспрестанно чихающему капитану она показалась откровенным издевательством.

– Короче говоря, Желябин... Я сообщаю, что группа из райотдела вместе с тобой уже там. А-а...

– Группа давно выехала?

– Семь минут...

Выходя на улицу к служебной «девятке», майор на ходу позвонил Владу Георгиеву, самому толковому из всего своего штата, и сел за руль. Вчера было ножевое. Но оно было в два часа дня, и вчера был понедельник, чем можно было такое происшествие оправдать. Чтобы для «убойника» понедельник не был тяжелым днем? А сегодня вторник, и все сначала.

Кирилл прикурил сигарету и тронул машину с места.

На Столетова он прибыл, когда там уже вовсю кипела жизнь, если такое определение уместно при наличии трупа. У подъезда толпились старушки и обсуждали ночное происшествие, на площадке второго этажа находились те, кто крепче нервами. В квартире работала

группа из райотдела. Собственно, она не работала, а добивала последние часы дежурства. В поте лица, не скрывая этого, трудился следователь прокуратуры Кировского района Игорь Мацуков. Все присутствующие из разряда лиц, носящих погоны, Желябину были хорошо известны.

Поздоровавшись с кем нужно и растолкав плечами тех, кому здесь было делать нечего, Желябин шагнул в комнату и... снова полез в карман за сигаретами.

– Ориентировочное время смерти? – быстро справился он у следователя.

– Эксперт говорит, что между двумя часами ночи и тремя, – не поворачивая головы, бросил Мацуков. – Здравствуй, Кирилл.

Кивнув, майор милиции шагнул в комнату. Узнав, что эксперт работу закончил и что теперь можно труп крутить и осматривать остальным, кто не ленится это делать, он присел и распахнул пиджак убитого.

– Других повреждений нет?

– Есть, – заметил судмедэксперт и с треском снял окровавленные перчатки. – Шесть пальцев, по три на каждой руке, сломаны.

– Питки? – уточнил Кирилл.

– Моральная сторона дела – не моя компетенция. Я констатирую факты. Мизинец, безымянный и средний пальцы на каждой руке раздроблены тяжелым тупым предметом. Возможно, вот этим бронзовым канделябром.

Выпрямившись, Желябин подошел к предмету, на который указал эксперт. Перед ним на столике стоял массивный двухрожковый подсвечник. Взяв его в руку, майор стал бродить по комнате, заглядывая на все плоские поверхности.

– Где ты его нашел? – спросил он у эксперта.

– Я его не искал, – вместо него, не отрываясь от протокола осмотра, среагировал Мацуков. – Я его обнаружил производством осмотра. На компьютерном столе был.

– Лежал или стоял? – Желябин, любящий точность формулировок, за что его ненавидели все опера и следователи ГУВД, поморщился.

– Стоял, лежал... – поморщился в ответ следователь. – Какая разница? Понятно, что он был перенесен на компьютерный стол! Ты видел где-нибудь, чтобы у компьютера подсвечник располагался?

– Так стоял или лежал?

– Стоял.

Удовлетворенно качнув головой, Желябин обошел, не выпуская канделябра из рук, все помещения.

– Интересно, – заметил он, когда вернулся. – В квартире везде сантиметровая пыль, даже на клавиатуре, а места, где бы чистотой светилась поверхность, нет. То есть этот подсвечник не стоял нигде. Интересно...

– Что тут интересного? – устало произнес Мацуков и уперся взглядом в майора. – Ну, что тут интересного?

– То, что нож, который они взяли на кухне, чтобы резать горло жертве, они унесли с собой, а подсвечник, которым ломали пальцы, бросили. – Желябин повертел головой. – Ты на кухне был? Там подставка для ножей стоит, на ней капли крови. Значит, кто-то сначала пальцы ломал, потом решил взять на кухне нож. А кровь на подставке осталась, потому что на руки берущего она попала из открытых переломов на руках трупа. Ножа, самого большого, для разделки мяса, нет. И свежие следы на пыльной поверхности подставки остались.

Потом он склонился над кучкой вещей, изъятых у покойного. Набитое евро и рублями портмоне, ключи от квартиры, золотой перстень.

Открыв паспорт, вздернул брови.

– То есть этот товарищ – не местный?

Мацуков махнул рукой районному оперу, и тот выудил из толпы желающих посмотреть на работу российской милиции старуху в платке.

– Она труп обнаружила, – предугадывая течение мысли Желябина и желая оградить себя от всех последующих вопросов, сообщил следователь.

Через десять минут разговора Кирилл понял одно: квартира сдавалась в течение года, постояльца видели редко, примерно раз в неделю, женщин не водил, пьянок не устраивал.

– Пьянки он, по всей видимости, устраивал вне квартиры, и неплохие, – заметил из угла комнаты курящий эксперт. – Спиртом от покойного несет – «реакция Раппопорта» отдыхает...

Желябин отправил Георгиева устанавливать хозяев квартиры, а сам направился туда, где, по его мнению, руки следователя еще не побывали. В прихожую. Но убиенный, вероятно, отличался большой аккуратностью, поскольку все карманы верхней одежды были пусты. Кирилл вывернул их наружу, и в них не оказалось ни табачных крошек, ни обычных для таких мест скатанных в комочки пылинок и ниток.

Вернувшись к трупу, он не удержался от вопроса, достаточно ли тщательно обысканы карманы пиджака и брюк.

– Все осмотрено, Желябин, – улыбнулся настойчивости Кирилла Мацуков. – До трусов. Они у него, кстати, белые в голубую полоску. Слава богу, скоро я от тебя отделаюсь.

– В каком смысле? – удивился майор.

– Мы дали ориентировку в Москву, а оттуда сообщили, что к нам едет столичный «важняк». Через час он будет здесь, а пока велено отсюда не выходить и руками ничего не лапать.

– Кто это – «мы»? – уточнил Желябин, который сразу воспринял идею появления в его городе столичного следователя Генпрокуратуры как вызов. Хотя зря спрашивал. Понятно, кто дал ориентировку об убийстве – Мацуков с прокурором.

Прижав губами сигарету и прищурившись от пыхнувшего в глаза дыма, Желябин с упорством сумасшедшего склонился над трупом и стал шарить у того по карманам.

– Тебе же сказано – не надо лишней инициативы, – еще раз предупредил следователь. – Все равно «горячие следы» давно остыли. Так что не ершись. Жди «важняка».

Но майор и не думал останавливаться. Через минуту поисков он выпрямился, сжимая в руке клочок белой бумаги.

– А это что такое? – показал он находку следователю.

– Черт тебя побери, Кирилл, – взвился Мацуков. – Это фискальный чек! Что с того?

– Странный какой-то чек, правда, господин следователь? – На лице оперативника царил коварная улыбка. – И покупка какая-то странная. Этим покойным мужчиной что-то приобреталось в два часа тридцать четыре минуты ночи за пятьдесят четыре рубля и сорок копеек. Этой ночи! Таким образом, версию эксперта, что смерть наступила в период от двух часов до трех, я уточняю. Она наступила позже двух часов и тридцати четырех минут.

Следователь поморщился. Кто рано встает, тому бог подает. По всей видимости, Желябин сегодня встал раньше его. Впрочем, какая ему, Мацукову, разница? Через полчаса в этот город приедет старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры России и отнимет у него дело. По-видимому, в Москве решили, что убийством этого типа в дорогой для Холмска одежде должна заниматься высшая надзирающая инстанция.

– Георгиев! – Дождавшись, пока к нему подойдет оперативник, Кирилл перешел на шепот: – Влад, по хозяевам что узнал?

Тот распахнул маленький ежедневник.

– Одна из старух, из восьмой квартиры, утверждает, что квартирой владела чета Безобразовых, которая год назад уехала за рубеж по направлению мужа. Он ученый какой-то. Впрочем, я все узнаю подробнее, позвоню в Управление юстиции, просмотрю документы на жилье, потом уже и выводы можно делать – кто хозяева и где они.

– Все правильно, молодец. Днем покопайся. Но в первую очередь узнай мне, где установлен кассовый аппарат под этим номером...

Подождав, пока Георгиев перепишет все данные с фискального чека, майор вернулся в комнату и бросил чек на колени Мацукову:

– Приобщите как изъятое при осмотре.

Наклонился и с улыбкой тихо объяснил причину внезапного обращения на «вы»:

– Следователи хреновы...

– Подъ ты, – не обиделся прокурорский работник. – Я все равно бы нашел. Не здесь, так потом, при назначении экспертиз. Но мне это не нужно, заниматься этим будет следователь...

– Да, да, из Москвы, – перебил Желябин. – Я помню.

Он вышел из квартиры.

Управляя машиной, он молчал всю дорогу. Энергичный Георгиев, напротив, уже подготовил с десяток версий, половину из которых можно было причислить к области фантастики, а половину из второй половины отнести на счет юношеского максимализма. В свои двадцать пять Владислав был юн и дерзновенен душой, увлекался Толкином и Уэллсом, что не могло не сказываться на его практической деятельности в должности оперуполномоченного отдела по раскрытию тяжких преступлений. Желябин, чувствуя ум и проницательность опера, всякий раз тактично пресекал чрезмерные устремления Георгиева, но натура молодого сыщика нет-нет да и давала о себе знать. Из оставшихся версий к наиболее вероятным можно было отнести кровную месть и пьяную склоку, после которой собутыльники, испугавшись содеянного, в ужасе скрылись.

Если ориентироваться на стандартные милицейские ориентировки, то стороннему человеку могло показаться, будто все беды – от чеченцев. Или от хулиганья. Желябина тошнило от подобных версий, он был сторонник отработки самых невероятных предположений, и уже не раз случалось, что при этом он бывал прав. Поэтому Влад сейчас и старается. Ритуальное убийство, промышленный шпионаж...

Поднявшись к себе, майор сел за стол и потер лицо руками. Увиденное в квартире его потрясло, но вовсе не потому, что пришлось разговаривать со следователем прокуратуры, скользя подошвами по полу. И совсем не от того, что там пахло, как в подсобке мясницкой. Крови Желябин насмотрелся столько, что с некоторых пор относился к ней, как к воде. Прихватив из пачки губами очередную, пятую за сегодняшнее утро сигарету, он набрал номер на «совкового» вида телефоне пятидесятых годов, выменянном на Центральном рынке у алкаша за бутылку водки. Отчаянно протрещав, диск трижды прокрутился под пальцами.

– Георгиев, найди.

Владислав относился к распоряжению начальника так, как и следовало. Если писал рапорт, то бросал это занятие посреди написанного слова и делал то, что ему велели. За секунду до звонка он сжимал в руке трубку городского телефона и ждал, пока девушка из Управления юстиции сделает выборку нужного адреса на улице Столетова. Когда же звонок прозвучал, Георгиев молча выслушал приказ, положил обе трубки и, прихватив ежедневник, вышел из кабинета.

Сейчас, терпеливо дожидаясь, пока начальник заговорит о том, зачем он его, собственно, звал, оперативник молчал и спокойно рассматривал подоконник, на котором из-за хлебной корочки дрались два взъерошенных воробья.

– Значит, так, Влад... – Желябин наконец-то убрал руки от лица. – Убитый – Матвей Антонович Головацкий, ты это знаешь.

Георгиев кивнул головой.

– Теперь то, что ты не знаешь. Это мой бывший преподаватель прикладной математики на физмате Холмского университета. Это благодаря ему я защитил кандидатский минимум, после чего ушел из науки как переставшей меня интересовать. Имя Головацкого известно не

только внутри ХГУ, но и в Европе. Благодаря его разработкам усовершенствовался атомный реактор в Тоцке и ремонтировалась ГЭС в Таджикистане. В тридцать два он стал доктором наук, в тридцать пять его пригласили работать в США. В НАСА, если быть более точным. Он отказался и работал в России, в Холмске, в созданном им же центре прикладной математики. Сейчас ему сорок четыре, в смысле – было, и если бы я не увидел его час назад, то до сих пор был бы уверен, что он либо преподает в Кембридже, либо принял предложение НАСА. Вот такие дела, брат...

Георгиев давно не удивлялся замашкам Желябина, поэтому казался спокойным. Небольшое потрясение выдавал лишь проступивший сквозь скулы молочный оттенок. Потрясение было от того, что каждый шаг и каждое движение майора в квартире происходили на глазах Владислава, но он сейчас был готов поклясться, что, когда они вошли в квартиру, на лице Кирилла даже не дрогнула бровь.

– Есть еще кое-что, в чем я хотел бы тебя просветить. Безобразовы – это чета преподавателей из того же ХГУ, он – физик, она – математик. Насколько мне известно, они убыли на несколько лет в Нидерланды. Теперь выходит, что квартиру они все-таки в Холмске оставили. – Желябин почесал пальцем висок, и пепел, оторвавшись от кончика сигареты и скользнув по его волосам, бесшумно упал на стол. – И сдали Головацкому. Вот теперь думай, молодой человек, последствие чего мы наблюдали сегодня утром. Кстати, чуть не забыл – Головацкий никогда в жизни не притрагивался к спиртному. Во всяком случае, до того момента, когда я его видел в последний раз в живых. А случилось это полгода назад, на вечере выпускников ХГУ, в марте две тысячи четвертого.

– Месторасположение кассового аппарата по чеку я еще не установил, – выдержав паузу, предупреждая следующий вопрос, доложил Георгиев.

– Тогда какого черта ты тут делаешь?

Взгляд Желябина был настолько серьезен, что любому другому могло показаться, будто у начальника «убойного» отдела не все дома. Однако Георгиев спокойно встал, почесал затылок и бросил:

– Меня один момент беспокоит, Кирилл...

– Какой? – не глядя на подчиненного, поинтересовался Желябин. – То, что в квартире доктора наук за год проживания не накопилось ни одного научного документа? Неужели не понятно, что он не жил в этой квартире, а те, что могли быть, – унесены? Так что оставь чеченцев в покое, Владик, и иди ищи кассовую машину.

Георгиев фамильярно оперся рукой на стол и никуда не уходил.

– Что еще? – довольный настойчивостью коллеги, пробурчал майор. – Тебя волнует, почему остались нетронутыми ценные вещи и деньги? Потому что у Головацкого должно было оказаться нечто, по сравнению с чем кошелек с евро и золотые «Буре» просто ничто. У серьезных людей серьезные запросы. Так что версию о коллективной попойке придется отбросить еще и потому, что в квартире нет ни намека на совместное распитие.

На этот раз Георгиев оперся на столешницу обеими руками.

– Я хотел бы знать, почему при росте в сто семьдесят – сто семьдесят три сантиметра господин Головацкий носил ботинки сорок четвертого размера. И почему в два часа тридцать четыре минуты он совершил какую-то покупку, потом умер в течение двадцати шести минут, а его обувь чиста и суха. На улице, пardon муа, сыровато...

Желябин оторвался от разглядывания собственной авторучки и поднял глаза на опера. Только сейчас он мог констатировать, что совершенно не обратил внимания на вид обуви профессора. За него это сделал воспитанный Уэллсом Георгиев.

– Ты уверен, что не ошибаешься?

Этот вопрос можно было рассматривать как посыл к обеим частям наблюдения, поэтому Влад тут же покачал головой.

– Сорок четвертый. Сухие и чистые. Я сам видел.
– Молодец, – нараспев похвалил Кирилл. И тут же, в третий раз: – Мне нужна кассовая машина.

Проводив взглядом Георгиева, Кирилл встал из-за стола и подошел к окну.

В Москве, в подъезде, забили металлическими прутами профессора математики. В Москве, в квартире, прирезали ученого, преподавателя Бауманского университета. В Питере, на аллее, убили и ограбили физика-«ядерщика». Унесли портфель с лекциями из института. В Твери, в собственной квартире, опять же зарезали и, по версии родных и близких, ничего не взяли из вещей ведущего специалиста по химическим технологиям. Это в течение одного 2004 года.

А еще Желябин слышал... Слышал, поэтому не готов сей факт констатировать, что в Новосибирске трое молодцев напали на профессора, ректора одного из университетов, отобрали портфель, в котором на тот момент находились контрольные работы, взятые ученым домой для проверки, и сотовый телефон. Врезали по голове обрезком трубы и скрылись. Говорят, профессора спасла ондатровая шапка.

Желябин вынул из кармана пиджака платок и вытер переносицу.

Двадцать девятого января в снимаемой квартире перерезают горло талантливому и еще молодому доктору наук в области прикладной математики. Только теперь уже не в федеральном центре, а в подмосковном Холмске.

Не пора ли эти на первый взгляд стихийно совершаемые грабежи, хулиганские нападения, разбои и убийства объединить в одно пухлое дельце? Наверное, не пора. Если бы было пора, то давно бы на сей счет поступила команда сверху. Здесь все делается сверху, то есть через иное место. С древних веков повелось, что пирамиды, башни, столпы и прочее, монументальное и основательное, начинают строиться обязательно снизу. Закон гравитации таков, что, пока снизу не подложишь, наверх не попадешь. И только здесь и сейчас, наплевав на Эйнштейна и Ньютона, все начинает строиться только тогда, когда что-то сформировалось наверху. А потому вся эта муть с течением времени рушится, как подгнившая баня, но спустя время, вторично наплевав уже не только на Ньютона, но и на собственный опыт, строительство опять начинается сверху. Сказали – объединяй дела, и прокурорский следователь объединяет. Сказали – разъединяй, он разъединит. Не сказали, а он что-то из упомянутого совершил – поставят на вид. Причем раком и со спущенными штанами. Чтобы другим неповадно было. А потому следователи прокурорские, будь они хоть районные, а хоть и из Генпрокуратуры, сначала десять раз все перемеряют, все указания свыше выслушают, а уже потом начинают принохиваться.

Как же – не лапать ничего руками! Да если он, Желябин, при том условии, что сюда едет «важняк» из Москвы, ничего лапать не станет, то это убийство снова окажется под контролем московских надзирателей! То есть – нераскрытым и относящимся к разряду «перспективных».

Теперь только идиоту может быть непонятно, что в России идет массовый падеж интеллектуалов, по велению разума которых крутится наука. Причем падеж возникает не по причине специфического вируса, поражающего лишь обогащенные знанием умы, а путем физического устранения. Что может нести из университета в портфеле престарелый мужик в ондатровой шапке? Банковские упаковки валюты? Золото в изделиях? Зачем бить его по голове и, не ковыряясь в карманах жертвы, забирать его портфель с лабораторными по физике? Или таким образом подрастающие Паскали завладевают материалом, чтобы потом сдать экзамен этому же профессору с перевязанной головой? Или это они за проставленные «неуды» мстят, забывая насмерть?

Все это могло прозвучать в качестве одной из фантастических версий Георгиева, спроси сейчас Желябин про его догадки. Но Влад, сказав об этом, поутихнет и осторожно посмотрит

на Кирилла, словно интересуясь – сейчас он ему врежет, чтобы дурь из головы выбить, или попозже. Но Желябин никогда не бил, хотя для короткого нокдауна порой хватало одного его взгляда.

Одних ученых кто-то сажает, других кто-то убивает... Скоро «богатство российское», то, что «прирастать будет Сибирью», начнут осваивать одни лоботрясы с незаконченным средним образованием.

Решительно взъерошив на голове короткую стрижку, Кирилл вздохнул и вернулся к столу. Какие бы тенденции в убийствах и ограблениях ученых мужей ни просматривались, ему на данный момент нужно раскрыть только одно. Нельзя сказать, что начало этой работы он рассматривал с точки зрения розыска убийц по одному обычному преступлению, так как для этого нужно быть полностью атрофированным к воспоминаниям человеком, однако никакого особого предпочтения этому случаю по отношению к другим не отдавал. В городе совершено дерзкое преступление – убийство с особой жестокостью. А майор точно знал, что просто так убивать в его городе не позволено никому. Да и не просто так – тоже. Убивать – это вообще плохо. Не по-человечески это.

Раздумывая, он вышел из кабинета, запер дверь и стал спускаться по лестнице. Через две минуты он оказался снова в дежурной части. Дежурный капитан сменился, и сейчас его место занимал совершенно не расположенный к острым респираторным заболеваниям тучный майор.

Попыхивая сигаретой, Кирилл наклонился над его плечом и стал рассматривать книгу учета происшествий.

– Да нет для тебя ничего нового, – поморщился дежурный, недовольный обстановкой внутри.

Неподалеку от него развязного вида дама с грудным ребенком на руках громко втолковывала молоденькой инспекторше по делам несовершеннолетних: «Скотина он! Скотина бесшабашная! На него исполнительный на прошлой работе лежит, а он, сволочь, уволился и денег не платит!»

– Зачем же было его дюральной шваброй по голове бить? – спокойно реагировала привыкшая к подобным инцидентам инспектор. – Он же подарки ребенку принес...

– Пода-а-арки?! – вопила дама. – Он, гад, трехмесячной дочке игрушку «За рулем» и лыжи принес! Сразу видно – не новые, украл где-то!.. Это он на что намекает, что я теперь алиментов не получу, пока снег не сойдет?!

Не найдя для себя ничего интересного, Кирилл развернулся, вышел из «дежурки» и тут же нос к носу столкнулся с крепким парнем.

Решив не беречь разволновавшиеся нервы дежурного, Желябин вынул из зубов сигарету и бросил:

– Что вы хотели? Вам кто нужен?

Если товарищ заблудился, если ему нужно не в милицию, а в суд, если произойдет и другая накладка, то дежурный будет Кириллу должен.

– Я... – Парень, не ожидавший такого натиска, подвигал крутыми плечами. – Я сообщение хотел сделать.

Глава третья

Санька не трогал кейс до самого обеда. Ходил по квартире туда-обратно, то с тарелками, то в туалет, то мусор вынести, однако к чемоданчику не подходил. Он сам не знал почему, но этого кейса он боялся. Скорее, не по той причине, что в нем находилось что-то, что могло ему угрожать, а потому, что между чемоданчиком и жестоко замученным и затем убитым человеком имелаась какая-то связь. Пикулину казалось – щелкни он сейчас замками, и все в его судьбе изменится в недобрую сторону.

До часу дня он оставался спокоен, хотя на чемоданчик косился и не забывал о нем ни на секунду. Потом не выдержал, подошел к телефону и набрал четыре из шести цифр номера телефона Геннадия Владимировича, своего дяди. Набрал и быстро положил трубку на рычаги. Не хватало еще Шельмина в это дело вмешивать! Чего Санька добьется, если заинтригованный дядя приедет к нему домой на своей «шестерке»? Раздастся тот же щелчок замков, только теперь вместо одного хранителя тайны будет два. Несмотря на уважение к Геннадию Владимировичу, что знают двое – знают все. Еще неизвестно, что таят за собой створки кейса, а потому и неизвестно, как в случае шухера поведет себя дорогой дядя.

К половине второго Санька созрел. Тяжелое содержимое кейса, нисколько не стучащее при тряске, интерес, конечно, возбуждало. Однако еще больше томило желание поскорее от всего этого избавиться. И он, выкурив на кухне сигарету и не допив чашку кофе, стал собираться.

Спустившись вниз с кейсом в руке, он дошел до стоянки такси и, увидев знакомую машину с желтой крышей, махнул рукой.

За рулем новенькой «пятерки» сидел бесшабашный, удачливый парень. Санька не помнил случая, чтобы тот хоть раз пожаловался на высокий план и низкий «черный» заработок.

– Ты никак в институт поступил? – фыркнул коллега по парку. – Куда тебя добросить?

Сашка едва не промолвил «до ГУВД», но вовремя спохватился. Произнеси он сейчас это, не отвяжешься от расспросов в парке целую неделю.

– На Каменскую, – ответил он. – Рядом с католическим собором тормознешь. Мне в кабачок заскочить нужно. Друга армейского встретил.

Выскочив из машины, он постоял, прикуривая и одновременно дожидаясь, пока она скроется из вида, потом круто развернулся, перешел дорогу и оказался на площадке, предшествующей высокой мраморной лестнице. Говорят, раньше в этом доме была Торговая купеческая палата. После революции дом заняла ВЧК. Теперь здесь ГУВД.

Только сейчас Санька понял, как трудно взойти по этой лестнице. Что он скажет? Что нашел кейс в машине? При нынешнем развитии оперативного дела его сначала посадят в камеру, потом вызовут саперов, МЧС, «Скорую», вскроют чемоданчик и только потом начнут с ним разговаривать. А где нашел? А почему сразу в милицию не привез? А ведь ты уже покопался в «дипломате»? Что взял оттуда? Денег точно не было? Надо тебя проверить на причастность к совершению различного рода преступлений...

Бросив окуроч в чугунную урну, Пикулин поднялся к стеклянным дверям и решительно вошел внутрь.

Сразу пахнуло атмосферой недоверия, и за первые две минуты пребывания в этом заведении Санька трижды почувствовал спиной, как по ней прошли чьи-то взгляды.

Вопроса, куда идти, не стояло. В подобных случаях нужно двигаться к дежурной части.

– А где у вас сидит дежурный? – спросил Санька у первого попавшегося на глаза человека в форме.

– Там же, где и вчера, – добродушно ответил капитан.

– А где он сидел вчера?

– Вон за той стеклянной перегородкой. – И капитан показал, за какой.

Дойдя до двери, Пикулин остановился, и вдруг ему мучительно захотелось домой. Взять пару пива в киоске, развалиться перед телевизором и провести последние часы перед завтрашним рабочим днем в полном одиночестве...

Но, как известно, если дверь не открываешь ты, то, если ты не хочешь в нее заходить, она обязательно откроется сама.

Дубовая мореная створка шатнулась в сторону Саньки, и тот едва успел шагнуть в сторону. Перед таксисом стоял крупный мужчина возрастом между тридцатью и сорока, в костюме спокойного тона. Он задумчиво держал в зубах сигаретный фильтр.

– Что вы хотели? Вам кто нужен?

Санька почувствовал, как взгляд мужчины, словно рентген, проник под его одежду, ощупал от пяток до затылка, потом скользнул лазером, обжигая плечо, по руке, в которой была зажата ручка кейса, и так же снизу вверх поднялся до уровня глаз. От этого взгляда стало сразу неуютно, и Пикулин машинально, словно залепляя свежую прореху в теле, подвигал плечами.

– Я... – выдавил он. – Я сообщение хотел сделать.

Парень наклонил голову вбок. Они были почти одного возраста, однако Санька чувствовал, что теряется перед этим сверстником.

– Какого рода сообщение? – Он был повыше и, словно стараясь высосать из таксиста всю энергию, завис над ним, как уличный фонарь.

– Я хотел дежурному... Вы дежурный?

– Нет.

– Значит, я не к вам, – заявил Санька.

– Это смотря какое сообщение. Возможно, что и ко мне. Труп обнаружили? – Глотая слюну перед этим телепатом, Санька сквозь ужас все-таки догадался, что тот шутит. – Тогда вам ко мне.

– Я, если завтра обнаружу, сразу к вам бегом, – пообещал Пикулин. – А сегодня вещь нашел и хочу ее в милицию сдать.

– Эту? – Взгляд милиционера в штатском опять опустился к правой ладони Саньки.

– Нет, – почему-то сразу соврал тот. – Но если настаиваете, то могу сдать и ее...

Тот отстал, но напоследок еще раз осмотрел визитера.

– Вон там дежурный. – И кивнул в направлении двери.

Войдя в шумное помещение, где кишели милиционеры, гражданские, крикливые женщины и где разговаривали сразу две радиостанции, Санька окончательно растерялся. Он уже жалел о своем благородном порыве. Сквозь стекла в трех подряд камерах виднелись какие-то ужасные рожи, оружие на разный манер, и в это мгновение его посетила догадка, что не пройдет и двух минут, как он присоединится к ним и так же будет прижимать нос к оргстеклу с просверленным в нем отверстиями, призывать милицию к благоразумию и требовать адвоката.

«А на кой мне все это сдалось, если в городе целых два моста, а под ними – глубокая река?!»

– Чего вы хотели, гражданин? – развернулся к нему усатый майор. На его сером кителе красовался значок «Старший оперативный дежурный».

– Я нашел... Я нашел подонка, который регулярно вывинчивает лампочки в моем подъезде! – заявил Сашка, холодея от осознания того, какую реакцию может вызвать такое заявление в помещении городского УВД.

– Чего? – Усы майора распушились, как гагачий пух на морозе. – Свиридов! Вы что, жопу от стула оторвать не можете, чтобы опросить людей перед тем, как направлять ко мне?! А вам, долгожданный мой, ЖЭУ надо прессовать, а не ГУВД! В ЖЭУ!..

Саньку вытолкнули даже не за дверь «дежурки», а за стеклянные двери здания.

Уфф... Вытирая пот на лбу, он спустился с крыльца и плюнул в урну.

– Сходил к ментам... – в бешенстве пробормотал он. – Сдал вещь...

Вернувшись домой, он, не разуваясь, пройдет в комнату, с размаху бросит кейс на кровать и, даже не скинув куртку, начнет выворачивать нишу. В коридор, сваливаясь с полка, посыплются инструменты, банки, зимние ботинки, тубики с сапожным кремом... Наконец-то он найдет то, что искал. Плоскогубцы, молоток и зубило.

Но сначала – покурить. Сигареты – вот они, на столике, а с зажигалкой пришлось повозиться. Ее не нашлось ни в кармане брюк, ни в зимней коричневой куртке, ни в сигаретной пачке.

Чуть нервничая, Санька прошел в переднюю, где на вешалке висела его рабочая «кожа», и скользнул рукой в карман. Пальцы тотчас почувствовали едва ощутимый на ощупь клочок бумажки. Зацепив его, он вытащил его скорее из интереса. Это был чек. Это должен был быть чек из кассы машины, соединенной со счетчиком. Этот чек он сунул в карман, когда рассчитывался вчера с мертвецом, а вынул и вручил мертвецу другой, из магазина «Пятое колесо».

Глядя на маленький квадратик тонкой бумаги, обнаруженный в кармане, Александр Пикулин онемел.

Этого не могло быть.

Впрочем, почему не могло? В салоне темно. Так с пьяницами всегда удобнее рассчитываться. Таксист в темноте никогда в худшую для себя сторону не ошибется, а вот клиенты, бывает, частенько на этом прокалываются...

Кто прокололся на этот раз, сказать было трудно.

ООО «Пятое колесо»
ИНН 424657839475
28.01.05 13:42
ИТОГ ***** 455.00
НАЛИЧ***** 455.00
СДАЧА ***** 45.00
СПАСИБО!
*ПФП 0304388 —

значилось на крошечном прямоугольнике бумаги.

Это был тот самый чек, который должен был оказаться в руке мертвеца, но по ошибке снова оказался в руке Саньки. Выходит, что в сумраке салона ошибаются и таксисты.

Это означало только одно. И говорить об этом даже не хотелось. Об этом не хотелось думать! В кармане дубленки клиента-мертвеца в данный момент находился чек, выбитый кассой счетчика его, Пикулина, машины. И теперь, наверное, уже не в кармане дубленки клиента, а в целлофановом пакетике следователя прокуратуры.

И если от «Пятого колеса» хоть и с трудом, но можно было отвертеться, то от чека из кассы своей машины отвертеться невозможно. Конечно, нужно еще доказать, что это водитель такси поднялся в квартиру и убил своего клиента. Но как могут доказывать в кабинетах уголовного розыска, Санька знал. И как суд может вполне обходиться без доказательств, он тоже имел возможность видеть и слышать.

Он уже забыл, что собирался курить. Теперь оставалось только узнать, из-за чего произошла с ним эта история. Подняв с пола зубило и молоток, он подошел к ненавистному кейсу.

Первый замок отлетит со второго удара, второй – с третьего.

Санька распахнет «дипломат», на секунду задержит взгляд на содержимом и тут же захлопнет.

Потом, уже медленно, словно боясь спугнуть первые ощущения, поднимет крышку снова, чтобы убедиться, что это не сон. И, холодея душой и телом, почувствует, как у него застучит в висках кровь.

Сунув руку внутрь, он возьмет ЭТО и аккуратно уложит на журнальный столик.

Дурных снов Санька за тридцать два года жизни перевидал немало, но сейчас с ним все происходило не во сне, а наяву. Но казалось еще дурнее.

Сашка сидел и сверху вниз смотрел на журнальный столик. Точнее, на предмет, лежащий на нем.

На обычный строительный кирпич.

Это был обыкновенный строительный кирпич.

Ничего другого в кейсе мертвеца не нашлось.

Едва за Георгиевым, отправившимся на поиски таинственной контрольно-кассовой машины, захлопнулась дверь, мобильный телефон в кармане Желябина стал проситься наружу. Не без труда вытянув его, майор поспешил войти в связь, пока абонент не отключился. Но тот и не думал отключаться. Если бы понадобилось, следователь Холмской районной прокуратуры Мацуков вызывал бы Желябина вечность.

– Что у тебя? – выдохнул майор, удовлетворенный тем, что успел.

– У меня все нормально. Возвращайся в квартиру, тебя ждут. Тебе твой начальник еще ничего не говорил?

Желябин спрятал трубку в карман, и в этот момент на столе раздался телефонный зуммер. Так гудели телефоны в кабинетах НКВД в середине прошлого века. Кирилл никогда не гордился деятельностью этого ведомства в годы минувшие, но за неимением возможности установить у себя в кабинете факс «Панасоник» это было наиболее оригинальное решение. Все не так голова болит от этих тайваньских вариаций на европейские хиты.

– Желябин, слушаю.

– Кирилл Сергеевич, – майор сразу узнал голос начальника ГУВД и вспомнил вопрос Мацукова, – ты поступаешь в распоряжение старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры. Он только что прибыл в город и находится в квартире, где совершено убийство. Странно, что там не находишься ты.

– Я только что оттуда прибыл, – объяснил Желябин. – Все, что мне нужно, увидел. Все, что хотел, узнал.

Действительно, ему там что, находиться до тех пор, пока «труповозка» не приедет?

– Кажется, убиенный профессорствовал в университете, где ты учился? – Генерал был настойчив.

– Да, я его знал, – подтвердил Желябин.

– Вот и хорошо, – начальник подумал, – хорошо, что знал. Значит, твоя помощь столичному следователю будет как нельзя кстати.

Желябин почесал сигаретным фильтром ухо.

– Я не понял... Я вошел в его следственную бригаду?

– А говоришь – не понял.

На том разговор и закончился.

Еще через двадцать минут Желябин припарковал свою машину у двух служебных, стоящих перед третьим подъездом дома на улице Столетова: милицейской и прокурорской. Чуть поодаль стояла черная, как воронье крыло, «Волга» с флагом России вместо региона на номере. Кому принадлежал этот транспорт, догадаться было не трудно.

И он поднялся в квартиру, которую покинул час назад.

И разочарованию его не было предела. Он ожидал, что в квартире посреди засохшей лужи будет стоять лохотный дядька, от которого должно пахнуть дорогим одеколоном. И гал-

стук его – он непременно должен быть черным в красную полоску и хорошо оттенять белоснежную сорочку. Желябин не знал, почему именно черный и почему в красную полоску, но, пока ехал, воображение рисовало перед ним именно эти цвета. Начальник говорил, что «важняк» прибудет со своей группой, и майор, выруливая на Столетова, плохо представлял, как они поместятся в «хрущевке» Головацкого.

И теперь он был растерян, хотя виду и не подавал.

В кресле Головацкого сидела, распластав длани по подлокотникам и широко расставив ноги, весьма подозрительная личность. На вид около сорока лет, может, чуть больше. Галстука не было вообще, зато была трехдневная щетина. Не поверив себе, Желябин вошел в комнату, подозрительно скользнул взглядом по сидящему, поймал его взгляд и прошел на кухню.

– Мацуков, где следователь по особо важным? Где он, Мацуков?

– В кресле, – бросил, не отрываясь от писанины, холмский следователь. – Второго видел? Еще более удивительная фигура.

Желябину пришлось вернуться в комнату и поздороваться. И спросить, кто из двоих неизвестных ему людей представитель Генпрокуратуры, так как он во исполнение распоряжения начальника ГУВД готов влиться в ряды следственной бригады. При этом вид у Желябина был такой, словно он зачитывал написанное террористами послание перед собственной казнью.

– Вы здесь уже были, – вместо «здравствуйте» тихо проговорил неизвестный в кресле. – Что вы можете сказать о жилье?

– Я могу сказать, кто потерпевший, – Желябину не очень понравилось, как с ним обошлись. И теперь ему хотелось показать, что находится в положении подносчика боеприпасов он не намерен.

– Я спросил о жилье, – повторил мужчина, и это выглядело почти бесцеремонно.

– А кто потерпевший, вас не интересует?

– А вы упрямы, – безразлично буркнул «важняк» и щелкнул крышкой «зипповской» зажигалки. – Я тоже проявлю настойчивость и задам вопрос в третий раз. Что вы думаете об этом жилье?

По спине начальника «убойного» отдела словно прошли теркой для сыра. Словесная развязность в сочетании с невозмутимостью незнакомца – а его по-прежнему можно было называть именно так – заставили его пошевелить плечами и дернуть веком. Что Желябин ненавидел с детства, так это откровенный снобизм. Эту черту характера майор считал заразной, поражающей всех вокруг. И сейчас начинало казаться, что в Холмск из столицы прибыл разносчик этого вируса.

– Жилье принадлежит семье Безобразовых. Он преподает в университете на кафедре физики, она математик. Они уехали за рубеж отрабатывать гранд, квартиру предоставили потерпевшему. – Желябин сознательно не назвал фамилии Головацкого, раз уж «важняк» так пренебрежительно относится к этому факту.

– Куда за рубеж? – с ударением на «куда» поинтересовался следователь. Глаза его были настолько вялы, что, почувствуй Желябин сейчас запах спиртного, он бы ничуть не удивился.

– В Голландию, – отчетливо произнесла две «л», протянул майор.

– А что, у профессора Головацкого не было в Холмске своего жилья?

Желябин пожал плечами и усмехнулся.

– Одну квартиру он оставил бывшей жене с сыном. Вторую – взрослой дочери. Сам, получается, снимал у Безобразовых.

И вдруг Желябина пробило. «Важняк» знал фамилию убитого ученого. Он сам ее только что назвал. Воспользовавшись разговором двоих приезжих, Желябин проскользнул в кухню и завис над столом, за которым без усталости писал протокол Мацуков.

– Вы что, личность уже установили?

Следователь поднял на «убойника» ватный взгляд.

– Нет. Но я думаю, это не составит большого труда. Мужчину видела старшая по подъезду. Ее сейчас приведут.

– Товарищ майор! – раздалось из комнаты, и Кирилл, оттолкнувшись от пластиковой столешницы, вернулся в зал.

– Кирилл Сергеевич, меня зовут Иваном Дмитриевичем Кряжиным. Я – старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры России. Расследовать это убийство, как и многое другое, что с ним связано, буду я. – Кряжин посмотрел красными глазами вокруг, нашел пепельницу и придвинул к себе. – Это – старший оперуполномоченный МУРа Сидельников. Перед вами, Кирилл Сергеевич, вся группа, которую я счел нужным привезти в Холмск из Москвы. Ваш начальник по согласованию со мной и за подписью Генерального прокурора по согласованию с заместителем министра внутренних дел ввел в мое подчинение еще двоих сотрудников. Вас. И капитана Георгиева.

Желябин не выдержал и нервно моргнул.

– Ознакомьтесь. – И советник юстиции протянул майору пропечатанную через факс страницу.

Желябин читал и удивлялся. Он, Георгиев... В подчинение... Следственная бригада...

– Когда же вы...

– Успел? – уточнил Кряжин. – Нужно было выбирать: либо переодеваться и бриться, либо заниматься более нужным делом. Я выбрал второе. Мне не важно, что вы подумаете обо мне в первую встречу. Я и без того достаточно высокого о себе мнения.

«Определенно сноб, – подумал Желябин. – Взять и высказаться?»

Ему опять помешал советник из Москвы. Он заговорил с той же непоследовательностью, с коей сделал это минуту назад:

– Я хотел знать, что вы думаете об этом пристанище Головацкого. Но имел в виду, конечно, не право собственности на квартиру. Хотя и это немаловажно. – Встав из кресла, он прошелся, разминая то ли затекшие от долгого сидения, то ли уставшие от беспрестанного движения ноги. – Наверное, я просто неверно поставил вопрос. Что вы думаете об обстановке? Это я хотел узнать!

И вот тут Желябин замаялся. То, что думает в Холмске он, Желябин, может толковаться в Москве вовсе не так. Логика федерального центра часто несовместима с размышлениями провинциалов. И это относится и к сыску в том числе. Наговоришь умных вещей, а через пару часов позвонит начальник ГУВД и скажет, что беседовал с Кряжиным и тот выразил свое неудовольствие отсутствием у начальника «убойного» отдела навыков логического мышления.

А впрочем, сколько можно молчать из-за мнительности?

Ты хочешь знать, что Желябин думает об этой квартире? Пожалуйста... Если что – книга жалоб и предложений у начальника Холмского ГУВД...

– В квартире Головацкий появлялся редко и, по-видимому, – заговорил майор, – не рассматривал ее в том качестве, в каком рассматривают люди, снимающие жилье. В квартире пыль, накопившаяся за три недели отсутствия хозяина. Зная Головацкого лично, могу сказать, что это человек завидной педантичности и порядка. Жить в квартире постоянно и ходить по такой пыли он себе вряд ли бы позволил.

Желябин очень удивился, когда Кряжин, снова усевшись в кресло, продолжил с ним разговор, но уже без этих заносчивых ноток. Он разговаривал с ним на равных, что не могло не заставить Желябина оттаять, но никак не изменить своего мнения. Кряжин же, дослушав холмского сыщика, качнул головой, убедился, что в этой части тот закончил, и – не перебил, а мягко, вкрадчиво проговорил:

– Я вам более того скажу, коллега. Пыль в квартире не трехнедельная, а двухмесячная. И в квартире этой до сегодняшнего дня Головацкий не появлялся никогда. А потому вы, конечно, правы. Профессор не рассматривал квартиру в том качестве, в каком вы имеете в виду.

Немало удивления у присутствующих вызвала эта короткая речь, но каждый сделал вид, что не услышал ничего необычного. Воспользовавшись тем, что Кряжин перебрасывался взглядами с Сидельниковым из МУРа, Желябин продолжил:

– Убивали Головацкого, по-видимому, кухонным ножом, а пальцы ломали медным канделябром. Из этого следует, что убивал не профессионал, и в графу «сомнения» можно смело заносить версию о заказном характере убийства.

– Я вам больше скажу, Кирилл Сергеевич... – перебил Кряжин. – Зачем здесь эта дама? – Последнее относилось уже не к майору – в дверях комнаты появилась старушка с испуганными глазами и руками, сложенными на груди, как для погребения. – Кто вы, бабушка?

– Меня милиция пригласила, – сообщила она.

Бабушку проводили на кухню, Кряжин попросил Мацукова предложить ей чаю. Желябин пошевелил плечами – такой стиль общения со свидетелями в Холмске в ходу не был. Действия советника Генпрокуратуры были похожи на те, которые совершает парикмахер, предлагая клиенту полистать журналы, пока он закончит с клиентом предыдущим.

– Так вот, – продолжил советник, – я вам больше скажу. Головацкого вообще никто не собирался убивать. Испуг убийцы при виде получившегося итога был настолько силен, что он, закончив с горлом профессора, не ушел, унося оружие убийства с собой, чтобы выбросить, а вернулся на кухню, вымыл его и поставил в стойку для ножей. Все должно было закончиться только пытками, однако произошло нечто, что заставило напавшего причинить профессору смерть. Сколько у потерпевшего сломано пальцев?

– Шесть, – сказал Желябин.

– Это говорит о том, что перед тем, как умереть, профессор шесть раз подряд отказался отвечать на какой-то вопрос. Когда отказался в седьмой, его убили и, как я думаю, в результате нервного срыва. Преступников было как минимум двое. Кто-то ходил по квартире, искал предметы, а кто-то держал жертву...

– Профессор был пьян, его не нужно было держать, – возразил из кухни Мацуков. Оказывается, он успевал и протокол писать, и вникать в суть происходящего в комнате.

– Если бы он был пьян настолько, что его не нужно было держать, то вряд ли ему задавали бы вопросы и требовали на них ответы.

– Возможно, работали психи, – отвлекшись от протокола, Мацуков вошел в комнату.

– Не видел ни одного психа, который побрезговал бы деньгами из бумажника жертвы и кольцом, которое, по моим прикидкам, стоит никак не менее пятидесяти тысяч.

Кряжин провел рукой по подбородку, отчего раздался звук, похожий на скрип десятка почтовых перьев по бумаге, и улыбнулся. Улыбнулся впервые за все утро:

– Версия с заказным убийством, по-вашему, отпадает. Хулиганство и психические отклонения преступников тоже. Мотив ограбления приказал долго жить, а в квартире не распивали спиртное, что отрицает предположение о бытовом характере убийства. Что же, по-вашему, остается, коллеги?

– Самоубийство, – съерничал стоящий в глубине квартиры участковый уполномоченный.

– У меня есть предположение, – твердо, но тихо заявил Желябин. – Я провел небольшие статистические исследования. – Сказав это, он смутился. – Просмотрел сводки по стране за последний год. И пришел к неожиданному открытию. С марта прошлого года и на январь текущего в стране было убито двенадцать человек, которые по характеру своей профессиональной деятельности относились к научной сфере. Занимались исследованиями в практической области, разработкой программ, теоретическими выкладками.

– И? – Кряжин наклонил голову, ожидая итогового заявления.

– Я считаю, что убийства всех научных деятелей связаны одним мотивом.

Мерзавец Кряжин, вместо того чтобы сразу поддержать или опровергнуть, смотрел на него своими ясными глазами и молчал, заставляя договаривать до конца!..

– Я считаю, что ведется... отстрел научных деятелей страны. Дана лицензия на добычу жизней русских ученых! Кому-то, значит, это нужно.

Кряжин нашел в пачке сигарету и закурил, а Желябин добавил:

– У меня есть данные по всем двенадцати ученым, убитым в различных регионах России.

Советник буркнул: «У меня тоже есть», дотянулся до своей папки, расстегнул ее со звуком, при котором старушка на кухне замолчала, и вынул несколько смятых листков.

– Вы напрасно думаете, Кирилл Сергеевич, что подобную статистику не ведет следователь Генеральной прокуратуры. Давайте вместе послушаем, что у меня получилось... – Разложив на коленях листы, Кряжин дотянулся до торшера, стоящего за креслом, и потянул за шнур. На улице было светло, свет люстры создавал дополнительное освещение, и теперь в комнате не было участка, который не оказался бы освещен со всех сторон. – Итак, господин Желябин... За истекший год было убито: деятелей науки – тринадцать человек, – вы пропустили, видимо, академика Власова, которого застрелили из обрезка семь дней назад;

...деятелей шоу-бизнеса, – листок на коленях сменился другим, – четырнадцать;

...морского пароходства, – снова это мерзкое шуршание, – шестнадцать. Таким образом, руководствуясь вашим принципом размышления, можно смело заявлять о том, что кто-то решил извести наш морской флот. У меня подборки еще по нескольким категориям лиц.

Желябин покусал губу и занялся своими ладонями. Со стороны могло показаться, что они все в занозах.

– Но вы не виновны в своей ошибке, – примиряюще сказал советник из Москвы. – Проблема в том, что я занимаюсь убийством Головацкого два месяца, а вы всего несколько часов. И эти листы, – Кряжин показал глазами на свои колени, – появились как раз в первые сутки моего расследования.

Начальник «убойного» отдела вяло поморгал и забыл о занозах. Его взгляд был обращен в сторону следователя, который с явной усталостью вытягивал из сигареты дым. Перед Желябиным лежало недавно остывшее тело профессора Головацкого, и он никак не мог соотнести этот факт с только что сделанным заявлением Кряжина.

– Как... два мес... Я не... – Вытерев пальцами кончики губ, майор окончательно расслабился: – Он же сегодня умер. – И показал на горло Головацкого.

Не докурив сигареты и до середины, советник потыкал ею в пепельнице и уложил листы в папку.

– Знаете что. Квартиру и труп я осмотрел. Вас послушал. Давайте побеседуем с этой чудной старушкой, перекусим где-нибудь, мы с Сидельниковым приведем себя в порядок, а уж после поговорим.

Глава четвертая

Рассказ старушки был короток и ясен и напоминал повествование любой старушки, которая когда-либо привлекалась в качестве свидетеля к какому-либо расследованию. Как правило, причиной обнаружения трупов старушками является не патологическая тяга последних к скорому вечному покою, а вполне мирские обстоятельства. Режут и стреляют преимущественно по ночам, отчего последствия резни и стрельбы становятся видны именно утром и именно в ранние часы. Раньше рабочих встает только одна категория граждан. Этой категории не спится по двум причинам. Во-первых, уходит жизнь, и лицезреть ее хочется теперь как можно больше, и, во-вторых, здоровье уже не позволяет спать крепко и долго.

Парадокс, но, как правило, первыми обнаруживают последствия прожитой ночи и сообщают об этом в милицию те, кто ходит медленнее всех, видит хуже всех и слышит также не блестяще.

Происходит это по-разному.

Одна старушка, поднявшись в пять утра и испив чаю, садится у окна, чтобы ждать, когда встанет солнце. Темень за окнами постепенно сменяется фиолетовыми красками, и наконец приходит момент, когда снег становится голубым, а небо – синим. И в этот момент перед старушкой открывается картина, не сообщить о которой в милицию раньше соседок означает совершить огромную ошибку.

Самый распространенный способ обнаружения трупов – выгул домашнего животного. Животное, разбалованное хозяйкой, ее не слушается, убегает, старушка идет следом и находит. Обычно возле трупов.

Бабушка с улицы Столетова своего мертвеца нашла по-своему. В начале третьего ночи она смотрела в окно на кухне и вдруг услышала едва уловимый шум. На лестничной клетке.

– А зачем вы в три часа ночи в окно смотрели? – полюбопытствовал Кряжин.

– Ты, парень, доживи до восьмидесяти шести... А потом спрашивай.

Кряжину этого объяснения вполне хватило.

Не поняв причины возникновения шума в час, когда нормальные люди спят, старушка дошла до своей входной двери и посмотрела в «глазок». Ничего там не увидев, ибо дверной «глазок» не самый лучший из оптических приборов для людей ее возраста, она приоткрыла дверь, и в образовавшуюся щель тотчас выскочила кошка.

Таким образом, появилось дело на ближайшие полчаса. Накинув платок, сунув в карман кусок колбасы для кошки, старушка вышла из квартиры, прикрыла дверь и пошла по следу. На пути ее встала полоска света, бьющая из дверной щели квартиры напротив. Поскольку щель была достаточной для того, чтобы через нее в квартиру соседей Безобразовых могла проникнуть искомая кошка, свидетельница вошла и стала звать кошку по имени.

Кошка не откликнулась и не появлялась, и старушка прошла внутрь.

То, что предстало ее взору, сначала в ее понимании не уложилось. В квартире Безобразовых на полу лежал Безобразов и кормил ее кошку. Приблизившись, свидетельница сделала еще несколько выводов: на полу не Безобразов; тот, что лежит, кошку не кормит; кошка кормится сама.

Свидетельница так проговорила слова «кушает кровь», что Сидельников полез за сигаретой, а Кряжин оторвался от своей.

Вот, собственно, и вся предыстория. Потом была «03», которая и вызвала «02» по собственному усмотрению.

– Вы говорите, что на лестничную площадку из приоткрытой двери бил свет? – уточнил Кряжин.

– Да, я вот все думаю... – прошамкала старушка.

– О чем? – мгновенно среагировал Кряжин. Эту категорию свидетелей он знал очень хорошо и понимал, что самое главное могло прозвучать именно сейчас, все.

– За что его Верка?

Дернув щекой – дело начинало принимать новый оборот, советник устремил взгляд к свидетельнице. В подобных ситуациях он никогда не спрашивал – какая, скажем, Верка? Вскользь брошенная собеседником информация, даже самая неординарная, не должна вызывать смещения в стане следствия. Наоборот, лучший способ заставить собеседника говорить дальше – это уверить его в полной информированности следователя.

– А что, она имела на него зуб?

– Не знаю, сынок, – сказала старушка. – Всегда такая спокойная была...

– Почему же вы решили, что это непременно Верка?

– Ну, а кто еще? – насела бабулька, которая, как уже понял советник, сохранила и ум, и соображение.

– Так, ладно, – отрезал он. – Вера когда обычно приходит?

– Куда?

– В квартиру Безобразовых. Как часто она там появляется?

– Раз только и пришла! Значит, плохой человек был. А животные, они лучше следователей разумеют – хороший человек или скверный.

– Какие животные, бабка? – рассердился Кряжин.

Из-за подола хозяйки, извиваясь всем телом, вышла с поднятым хвостом кошка.

– Верка, мать твою!.. Сучка! – зашипела старуха. – Марш на кухню!

Часа следователю и оперативнику МУРа хватило на то, чтобы запоздало позавтракать, переодеться в вещи, вынутые из сумок, и прибыть в прокуратуру Холмска, где их уже ожидали Мацуков, Желябин и Георгиев.

Не желая передвигаться по городку табором, советник тут же распределил роли. Мацуков должен был остаться в прокуратуре, отвечать на звонки и заниматься тем, чем он занимался бы без Кряжина. К вечеру ему было велено составить подробный список тех, кто за истекшие сутки прибыл, как и убитый Головацкий, из Москвы. По железной дороге или, как профессор, на самолете.

Георгиев был отправлен для составления запросов в организации, где Головацкий работал штатно либо неофициально. Георгиеву же предстояло выяснить все возможные связи профессора. Особое внимание он должен был уделить лицам, проживающим за рубежом. В первую очередь, конечно, установить наличие или отсутствие деловой или иной связи с четой Безобразовых, проживающих на севере Европы.

Желябин как представитель местной власти был отправлен в налоговую инспекцию с крошечным фискальным чеком. Час или более его отсутствия «важняк» со спутником из Москвы намеревались потратить на сон в его служебном кабинете в ГУВД.

«Быть может, именно оттого, что их валит с ног, он и не рассказывает о том, как два месяца расследует совершенное вчера убийство Головацкого», – подумал Желябин и на том успокоился. В Холмск приехал не придурок. Это ясно. Зная Кряжина всего два часа, майор с уверенностью мог говорить начальнику ГУВД, спроси тот, как дела, что советник юстиции из Генпрокуратуры, появившийся в Холмске, – личность незаурядная и вдумчивая. А спутник его... Молчун. Просто удивительно, как таких молчунов в МУРе держат. Хотя, быть может, там держат именно тех, кто не болтает, когда в этом нет необходимости...

Выйдя из налоговой инспекции через сорок минут с напечатанным на принтере листом бумаги, Желябин посмотрел на часы. Пусть люди отдохнут еще час. Майор не знал, чем они занимались до приезда в Холмск, но, судя по всему, не пьянствовали. Работали.

Хотел сразу поехать туда, где установлен этот кассовый аппарат, значащийся и на чеке, и на справке за подписью начальника инспекции... Но передумал. Кряжин, скорее всего, остался бы недоволен такой инициативой. Кряжин любит все шупать своими руками. Одни справки об убитых на территории России лицах чего стоят. Надо же было сунуться с этой идеей геноцида научных умов!.. Но Кряжин и здесь прав. Желябин делом занимается несколько часов, а следователь из Москвы – два месяца. Дурдом какой-то, ей-богу! Головацкий вчера почил, а тут – два месяца...

В два часа десять минут Желябин без стука вошел в собственный кабинет. Кряжин держал локти на столе, пил чай и разговаривал с кем-то по телефону. Боком к нему сидел в кресле Сидельников, тоже прихлебывал и смотрел по изъятому с позавчерашнего разбоя телевизору «Вести». Теперь они оба выглядели иначе, чем несколько часов назад. На советнике был темно-синий костюм и тонкий черный джемпер, на опере – опять свитер, но на этот раз чистый, и из-под его воротника торчал отворот темно-синей рубашки. В кабинете вразнобой пахло парфюмом и сигаретным духом.

– Так трудно в Холмске с его пятьюдесятью тысячами найти кассовый аппарат, – положив трубку, Кряжин посмотрел на часы, – что на это нужно потратить никак не менее трех часов?

– Пришлось повозиться... У нас учетность не как в Москве, к сожалению.

– Ерунда, – поморщившись, отмахнулся советник, – у нас еще хуже. Но, правда, – он вопросительно посмотрел на майора, – все, что ищется, обычно находится.

– Я нашел организацию, которой принадлежит кассовый аппарат, выбивший чек Головацкому.

Кряжин улыбнулся. Впервые. В квартире Безобразовых он улыбался дважды, но это были скорее саркастические ухмылки. Сейчас он улыбался открыто. Известие, которое принес начальник «убойного» отдела, было первой хорошей новостью за целый день.

– И что купил Матвей Антонович Головацкий в тридцать четыре минуты третьего прошедшей ночи?

– Он ничего не покупал, Иван Дмитриевич. – Желябин смотрел на следователя из Москвы так, словно собирался взглядом свалить того со стула.

– Я не люблю этих пауз по Станиславскому, – подождав для приличия несколько секунд, признался советник.

– Сейчас у Мацукова в уголовном деле находится фискальный чек, который выполз из счетчика такси. Автомобиля «ВАЗ-2105» с государственным номером М 166 КК, принадлежащего пятому таксопарку нашего города.

Закончив улыбаться, Кряжин отпил из желябинской кружки глоток и поставил ее на стол. Сидельников вообще не шелохнулся.

– Такси?

Старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры удача порою разворачивала в верном направлении, но это редко происходило так быстро. Желябин, член следственной бригады Кряжина, знал номер такси, из которого вышел потерпевший за полчаса до своей смерти.

– Вы понимаете, что это значит? – Кирилл расслабленно сел на стол и собрал на груди руки. – Это означает, что мы знаем, откуда ехал Головацкий – раз, и у нас есть по этому делу первый свидетель – два. Фамилию водителя можно узнать в течение четверти часа.

– Ты узнал?

Желябин, помня о своей предусмотрительности, признался, что этим вопросом еще не занимался. Зато узнал телефоны и имена главных лиц таксопарка.

– Молодец, Кирилл, – похвалил майора Кряжин. – Но вот только я не понимаю, какого черта ты до сих пор не привел сюда водителя такси с государственным номером «сто шестьдесят шесть».

Когда Желябин сел на стул, Кряжин, бормоча что-то, уже принимал листок бумаги с номерами телефонов и подтягивал к себе телефон. Допил чай, некоторое время листал телефонный справочник, найденный тут же, и только когда убедился, что номера на листке совпадают с телефонной книгой, набрал пять цифр.

«Удобно, – успел подумать при этом, – вместо семи набираешь пять. Экономия времени».

Экономии не получилось. Около десяти минут вызываемый номер был занят. Вероятно, таксопарк – одно из тех многочисленных мест в городе, где разговаривают больше, чем делают. Терпения Кряжину было не занимать. Он как-то раз звонил в магазин по продаже товаров интимного спроса и в течение получаса не мог переговорить с владельцем. И сейчас, когда телефон директора таксопарка был занят, словно телефон в диспетчерской, советник ничуть не удивился. Он нажимал и нажимал кнопку повтора, пока в трубке не раздался усталый длинный гудок. Короткий передых – и снова длинный гудок. Наконец гудок прервался на середине, и тяжелый голос поинтересовался:

– Кто?

– Что значит – кто? – опешил «важняк». – Я же не в дверь вам стучу. Но, раз уж все равно придется представляться... Старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры России Кряжин. У меня к вам пара вопросов.

– Слушаю вас.

Он по голосу попытался понять, какого вида мужчина сейчас с ним разговаривает. Вышло, что собеседник – пухлый коротышка с тройным подбородком, страдающий одышкой и обязательно – в рубашке, под воротником которой висит узел приспущенного галстука. Типаж начальников гаражей, главных механиков и снабженцев.

– Я бы очень был вам обязан, если бы вы прямо сейчас назвали мне номера машин, которые у вас в таксопарке на ходу.

Вопреки ожиданию, что последует ссылка на занятость, он услышал:

– Нет проблем. У вас минут пятнадцать есть?

– Я не по мобильному звоню, – успокоил директора таксопарка Кряжин.

– Очень хорошо. Только у меня к вам одна просьба. Назовите себя полностью, пожалуйста, и свой номер рабочего телефона. И я вам тут же перезвоню.

Советник не выдержал и саркастически улыбнулся. К составленному им портрету добавились маленькие, хитрые, бегающие глазки и волосатые пухленькие ручки. Назвав свое имя, отчество и телефонный номер Желябина, он посоветовал набрать «02» и сверить цифры у дежурного.

Через две минуты телефон загудел зуммером времен первой чистки в правоохранительных органах.

– Браво, господин Илюшин, – похвалил «важняк» находчивость директора. – Переходите к нам, я вам должность начальника собственной безопасности Генпрокуратуры организую.

– Спасибо, Иван Дмитриевич, – отозвался директор, и в его голосе почувствовалась самоуверенность. – Каждый должен заниматься тем, что больше знает, и не лезть в то, в чем ничего не соображает. Так что я больше по двигателям внутреннего сгорания.

– А-а, – Кряжин улыбнулся одними губами и, приводя Желябина в ступор, закинул ноги на стол. – Это те самые, где топливо всасывается в цилиндр? Сила расширения толкает поршень в цилиндре. Движение поршня через коленчатый вал передается на маховик, который обеспечивает вращение коленчатого вала, а вращение коленчатого вала приводит в действие колеса автомобиля. Рабочий такт сменяется тактом выхлопным, который уступает место такту всасывания, который, в свою очередь, сменяется тактом сжатия... Теперь я могу услышать ответ на свой вопрос?

Директор, прежде чем сказать «конечно», помедлил, и было непонятно, чем это вызвано. То ли он услышал что-то, чего не знал ранее, то ли почувствовал, что разговор предстоит серьезный.

После того, как номер М 166 КК был упомянут, а он был назван в списке восьмым, Кряжин слушал директора и терпеливо крутил в пальцах карандаш. Двадцать пятая машина, тридцатая... Тридцать четвертая...

Придется дослушать весь список из сорока шести машин. Иначе терялся бы весь смысл предприятия.

– Благодарю вас, господин Илюшин. А теперь пусть вас не затруднит моя просьба продиктовать фамилии всех водителей, которые закреплены за каждой автомашиной. По экипажам, так сказать.

– Это же... девяносто две фамилии?

– Умножать на два я умею.

На выслушивание этого списка ушло минут тридцать. Директор все говорил и говорил, а Кряжин водил и водил грифелем карандаша по жирной линии, которой были очерчены две фамилии: «Пикулин, Сопьян».

– А что случилось, Иван Дмитриевич? – изнемогая от усталости, заплетающимся языком пробормотал директор таксопарка. – Кто-то из моих привез вашего коллегу на Большую Дмитровку и не дал сдачи? Не Водопьянов?

– Нет. Водопьянов молодцом, – покачал головой, словно знал предмет вопроса, Кряжин. – И вы молодцом. Знаете, где расположена Генпрокуратура. А звоню я, чтобы присутствие следователя прокуратуры не вызвало в таксопарке массу кривотолков, которые потом обрасут мешающими работать байками. Поэтому сделанное вами сейчас дело, процесс выполнения которого мог показаться вам на первый взгляд идиотизмом, нам очень помогло. Думаю, если у меня появится возможность когда-либо помочь вам выпутаться из сложной ситуации, я не задержусь с ответом. Только не просите меня надавить на следствие, если в отношении вас будет возбуждено уголовное дело, договорились? Я не часто произношу такие речи, требуя сотрудничества, поэтому цените, пока я еще жив.

Если не знать тонкостей и психологических аспектов вербовки, то такую продолжительную речь можно трактовать не иначе, как словоблудие оперативного работника, вешающего на уши абонента лапшу. На самом деле только что произошел контакт, о котором директор таксопарка даже не догадывается, но будет постоянно вспоминать разговор, и с положительными эмоциями – обязательно. Именно эти эмоции впоследствии не позволят директору ни в чем отказать Кряжину.

– Полную оперативную установку на обоих, включая связи. – И к Желябину, скользя по лакированной поверхности стола, подъехал листок бумаги с двумя фамилиями.

Расспросить о том, как можно два месяца расследовать сегодня совершенное убийство, опять не представилось возможным. Прихватив листок, Желябин вышел в коридор.

Едва за ним закрылась дверь, Кряжин позвонил Мацукову:

– Что нарыл, коллега?

Следователь признался, что ничего, ведь ему было велено заниматься бумагами и отвечать по телефону. Разве не так? Так вот, дело он оформил в соответствии со всеми требованиями Уголовно-процессуального кодекса и теперь готов предоставить следователю Генпрокуратуры. Что же касается ответов на телефонные звонки, то здесь ситуация неопределенная. Звонков нет.

Если бы Мацуков не уважал Генеральную прокуратуру, а он, как сотрудник прокуратуры районной, прокуратуру Генеральную глубоко уважает, то он сказал бы Кряжину, что не совсем понимает, кто в данной ситуации должен звонить и что ему отвечать, если речь зай-

дет об убийстве Головацкого. Но Мацуков промолчал, справедливо решив, что «важняку» из Москвы виднее.

– Сопьян и Пикулин. Знакомые фамилии? – Услышав отрицательный ответ, советник кивнул и сказал: – Это водители вашего пятого таксопарка. Полную оперативную установку по обоим. Жду звонка.

Приблизительно такой же разговор состоялся с Георгиевым, уже проделавшим половину той работы, на которую был отправлен несколько часов назад.

– Я расскажу тебе, Кирилл Сергеевич, одну интересную историю, – сказал Кряжин, когда Желябин вошел, шелестя свежими распечатками из адресного бюро и информационного центра. Сказал – и посмотрел на часы. Посмотрел – и снова обратил взгляд к начальнику «убойного» отдела. – Расследовал я как-то убийство одного ученого. Дело прошлое, скрывать теперь нечего – фамилия его была Сукининис. – Поиграв желваками, советник объяснил: – Это действительно была фамилия. Вообще-то, Зиновий Алексеевич всю жизнь был Сукининым. Но в начале девяностых бес ткнул его под ребро, и мастер прикладной математики уехал в Прибалтику. И там перед ним встал выбор: либо остаться Сукининым и уехать в Саратов, откуда он, собственно, и прибыл, либо звучать по-прибалтийски и полюбить кильку, обжаренную в томате. Зиновий Алексеевич выбрал Сукининиса.

В начале двухтысячного года, когда я только сменил владимирскую областную прокуратуру на Генеральную, этот, с позволения сказать, Сукининис приехал в Москву. Чем он занимался на форуме прикладных математиков стран постсоветского пространства, так и осталось загадкой, однако меня больше интересовало, чем Сукининис промышлял в столице в перерывах между заседаниями. Сидельников, плесни мне чайку, пожалуйста... Но только пакетик положи из другой пачки, где написано, что индийский.

Так вот, Сукининис промышлял предметами художественного ремесла, или, как принято говорить на аукционе Кристи, произведениями искусства. Более всего Зиновия Алексеевича интересовала жизнь импрессиониста Малевича. Точнее, начиная с той ее части, где Казимир прикасался к холсту, будучи уже великим. Вы что-нибудь понимаете в импрессионизме, Желябин?

Начальник «убойного» отдела, застигнутый врасплох, вынужден был отвечать правду. Он ничего не понимает не только в импрессионизме, но и в модернизме, авангардизме и реализме. Вот разве что Шишкин ему нравится. На конфетах «Мишка косяпый».

– Вот и Сукининис... Опять еле выговорил. У меня за всю жизнь проблемы с речью были только в двух случаях. Я никак не мог произнести с первого раза нужное количество букв в слове СССР и фамилию прикладного математика Сукинина. Так вот, как выяснилось впоследствии, в живописи он ориентировался столь же своеобразно, как вы, Кирилл Сергеевич. Зато в цифрах разбирался очень хорошо. Особенно когда значения с пятью нулями нужно было делить на два. А потому нет ничего удивительного в том, что, приехав в Москву с пятьюстами тысячами долларов в кармане, точнее, в «дипломате», он купил «квадрат», но не Малевича. Двадцать седьмой по счету квадрат Малевича изобразил дважды судимый мошенник Кивлевич, и он же передал свое произведение Сукининису...

Рассказ, в котором Желябин ровным счетом ничего не понимал, был прерван неожиданно – на столе загудел энкавэдэшный телефон. Майор подошел, взял, в полном замешательстве от рассказа, трубку и пришел в еще большую растерянность.

– Это вас, – пробормотал он, протягивая черную кожаную трубку советнику. – Георгиев...

Кряжин все больше слушал и записывал. А Желябин сидел и перенимал опыт организации работы в условиях полной неразберихи. Когда Кряжин ставил задачу Георгиеву и какую – теперь оставалось только догадываться. Речь явно шла не о тех вопросах, которые советник ставил перед опером в обед, – это Желябин читал по лицу следователя.

– Все? – спросил между тем тот. – А по другим темам? Тогда возвращайся, мы тебя подождем... А Сукининис этот «квадрат» купил. Главная же ошибка Зиновия Алексеевича заключалась не в том, что он купил «квадрат» Кивлевича, не имеющий никакого отношения к аналогичным геометрическим телам Малевича, а в том, что он купил не для себя, а под заказ и не за свои деньги, а за деньги заказчика. Чувствуете, запашок пошел?

Телефон снова загудел.

– Это опять вас, – уже не удивляясь, спокойно сказал Желябин, протягивая трубку Кряжину. – Мацуков.

– Так, так, – сказал Кряжин, делая пометки в блокноте, куда недавно писал что-то, выдергивая из доклада Георгиева. – Это все? Работайте, коллега. – И нравоучительно: – Не сидите на месте, следствие не терпит статики, даже если это статическое напряжение.

На чем мы остановились? – пробурчал он, сгребая в кучу все, что располагалось перед ним: листок с пояснениями Георгиева и свой блокнот. – На Сукининисе. Так вот, он решил в Прибалтику больше не возвращаться. И не возвратился. А через неделю, когда он шел с лекции по математике из одного московского университета, куда устроился преподавать уже на следующий день после твердого решения остаться на исторической родине... Да, вот так, собственно, и утекают из Прибалтики русские мозги. Чтобы уже через семь с половиной дней расплескаться по Пречистенской набережной.

– В смысле? – не понял Желябин, окончательно уставший к этому мгновению.

– На восьмой день пребывания в Москве Сукининису, который уже подал заявление, чтобы стать снова Сукининым, выстрелили в затылок. Просто никогда не нужно подражаться на работу, которую не сможешь довести до конца. Говорят, потом один коллекционер в Вильнюсе был очень расстроен. После приключения с прикладным математиком Сукининисом он провел экспертизу своих бесценных произведений – выяснилось, что он имеет в коллекции три «квадрата» Кивлевича. Думал коллекционер, что облопошил кого-то: три картины по пятьсот тысяч баксов каждая – это просто юмор. Но по полмиллиона за рецидивиста Кивлевича – это явный перебор. Кивлевич-то недорого стоит – рама дороже его творения в несколько раз. Вот Малевич – тот подороже, до двадцати миллионов долларов доходит. Зато прикладной математик Сукининис и рецидивист-импрессионист Кивлевич поднялись на полтора миллиона. Как говорится, без лоха и жизнь плоха. А вы, Желябин, говорите – геноцид русской науки... Итак, расскажите мне все о Пикулине и Сопьяне. Начнем в порядке очередности. Кто есть Пикулин?

Встряхнув листы, которые до сих пор держал в руке, майор заговорил, смущаясь тем, что так увлеченно и складно, как у советника, у него не получается.

– Пикулин Александр Николаевич, семьдесят второго года рождения. Судим за вымогательство, пять лет отбыл в колонии общего режима, три года назад освобожден, устроился в пятый таксопарк. – Желябин остановился для вдоха и продолжил в том же режиме нон-стоп: – В дальнейшем в правонарушениях не замечен. Проживает на улице Ленинградской, дом пятый, квартира десятая. Зарегистрирован там же. Когда в два часа и тридцать четыре минуты ночи чек выползал из кассы такси, за рулем «Жигулей» с номером сто шестьдесят шесть должен был находиться именно Пикулин. Все.

– Нет, не все. – Вынув из кармана и надев очки, Кряжин придвинул под них лист. – Он не был женат, у него в таксопарке работает дядя – Шельмин Геннадий Владимирович. – Отодвинул лист и вонзил взгляд в блокнот: – Малообщителен, друзей не имеет, спиртное не употребляет... – Подняв голову, советник поправил очки, которые ему совершенно не шли, в них он становился похож на завклубом, которого вот-вот сократят. – Вот что значит пять лет колонии общего режима, господа милиционеры. А «залетел»-то туда по пьяни! А еще говорят, что колонии у нас не для перевоспитания, а для изоляции от общества... Так, что еще... Жалоб на его трудовую деятельность в таксопарк не поступало, дорожно-транспортные происшествия

отрицает так же, как и спиртное. Это и неудивительно, так как Александр Николаевич мастер спорта по автокроссу. Вот теперь все.

Желябин понял. Пару часов назад Кряжин дал одно и то же задание троим служителям закона Холмска, и каждый его выполнил по-своему, что позволило советнику составить если не полный, то приближенный к этому портрет искомого таксиста.

– Нам пора познакомиться с Пикулиным, – бросил Кряжин, сгребая бумаги со стола и упаковывая их в свою бездонную папку. – О Сопьяне поговорим в машине.

На улице Желябин не выдержал. Торопливо здороваясь с каждым, кто входил в ГУВД, шагая ему навстречу, он улучил момент, догнал советника и спросил:

– Иван Дмитриевич, как же так... Сегодняшнее убийство два месяца... А?

– Потом, – оборвал Кряжин, подбирая полы куртки для посадки на переднее сиденье. – Все потом. Сейчас – Пикулин и его сменщик.

Глава пятая

На кирпич он смотрел столько раз, сколько прикладывался к бутылке «Старки». Водка закончилась, но долгожданное опьянение, как гарантия облегчения понимания жизни, не наступало. Он посмотрел телевизор, пожарил и съел без аппетита три или четыре яйца – сколько точно, он не мог сказать. Вымыл посуду, протер со всех поверхностей в квартире пыль. Словом, делал все, что делал бы в свой выходной трезвым и без неприятностей. Когда на часах стрелки показали половину третьего, он уже точно знал, что завтра на смену не выйдет. Нужно сегодня же позвонить Илюшину – директору и Шельмину – дяде. В конце концов, он такой же человек, как и все вокруг, и имеет полное право на оплачиваемый больничный. Пятый таксопарк – не коммерческая конторка, а государственное предприятие, хотя и с аббревиатурой ОАО. Сейчас все или ООО, или ЗАО, или СП. И половина из них функционирует под флагом государства. Налоги платят? Платят. Илюшин не хозяин, а просто директор.

Да, так может повезти только раз в жизни. Поехать туда, куда клялся не ездить, заработать столько, сколько не планировал, забрать с «Полтинника» попутчика – и в итоге оказаться в квартире, залитой кровью, оставив при этом чек из кассы в кармане трупа!

Благодарить!

И при этом еще завладеть чемоданом, который теперь менты будут пришивать к делу не иначе как предмет преступления.

Менты скажут – Пикулин, а что вас заинтересовало в кейсе?

А он ответит...

Нет, в психиатрическую лечебницу не хочется. Сказать, что там были деньги, да и взять на себя пару сотен тысяч?

«Молодец, Саша, – саркастически похвалил себя Пикулин, – по их законам это не что иное, как особо крупный ущерб. Помимо этого, взяв на себя чемодан, придется брать на себя еще и труп. Без этого доведка МВД на сделку не пойдет. Ладно, попробуем прикинуть, что будет, если взять...

...с учетом самозащиты...

...ага, от клиента с шестью поломанными пальцами! Так защищался, так защищался... Он бил, а я руками голову закрывал. Он бил, так бил... Пальцы ломал... Шесть пальцев сломал, а потом я подвернул ногу, упал, а клиент на меня с ножом в руке повалился... Рука у него подвернулась, и он прямо на лезвие... И шеей так из стороны в сторону – вжик! – вжик! – два раза. От уха до уха...

Теперь можно и кирпич не упоминать. Прямая дорога в дурдом.

А если...

...если вдруг... если чисто гипотетически предположить, что меня возьмут...»

Сашка от бессильного раздражения сорвал с вешалки куртку, ту, в которой не ездил, в которой ходил в ГУВД...

«Вот идиот!.. Я же приходил с чемоданом в ментовку! «Хочу сделать заявление о находке!» – «Об этой?»...И взгляд у парня такой подозрительный...»

Сашка повесил куртку и снял другую, рабочую.

«Ладно, меня взяли. Скажу так...»

Прихватив кейс с кирпичом, он запер дверь и вышел из квартиры.

«Скажу так. Сел ко мне на «Полтиннике» клиент...

Все, никуда не годится! В милиции знают, что таксисты на «Полтинник» не ездят! Скажу, что подобрал клиента у вокзала. Железнодорожного, да... Он сказал – на Столетова. Я поехал. На Столетова его пришлось разбудить, потому что он был сильно пьян. Он показал дом, я его

высадил. Что у него с собой было, я не видел. Ни в какую квартиру я не входил, ничего не знаю. Выдал ему чек, он отвалил... А с кейсом...

Осмотревшись, Сашка понял, что стоит посреди двора с чемоданчиком в руке. Обойдя дом, он опустил кейс в один из мусорных баков.

С секунду подумав, он чертыхнулся, вытащил чемоданчик и понял, что отделаться от него нужно подальше от дома.

Снова обойдя дом, он увидел у последнего подъезда фронтовика дядю Федю. Этот «дядя» годился Сашке в дедушки, но так уж повелось – дядя и дядя...

Дед Федя совершал малопонятные Пикулину действия: к форкопу его старенького 412-го «Москвича» был закреплен прицеп «Скиф», и этот прицеп был доверху наполнен... кирпичом.

Сунув кейс под мышку, Сашка приблизился.

– Дядь Федь, ты что, переезжаешь?

Испуганно вынырнув из салона, дед с седыми мохнатыми бровями буркнул:

– Тихо, шельмец... Почему решил?

– Да вот, вижу, квартиру куда-то по частям перевозишь. Где кирпича-то набрал? Тут целый поддон, четыреста штук, не меньше. А при его цене это никак не меньше двух пенсий человека, бравшего Вену и Будапешт...

– Тсс!.. – прошипел дед Федя, стрельнув глазами куда-то в глубь двора. Санька проследил за его взглядом и увидел продукт «точечной» застройки Холмска – возведенный под крышу шестнадцатиэтажный дом.

– А-а, понятно. – Санька подтянул сползающий кейс и кашлянул. – Статья сто пятьдесят восьмая, часть третья. От пяти до десяти. С конфискацией имущества или без таковой.

Старик оттолкнул Пикулина от прицепа и стал потуже натягивать брезент на разложенном кирпиче.

– Это тебе, шельмец, от пяти до десяти. А мне – амнистия в связи с шестидесятой годовщиной.

– С каких это пор на день рождения амнистии объявляют? – незаметно развигая сломанные замки чемоданчика, удивился Сашка. – Мне, например, никакой амнистии не было, хотя как раз на именины и взяли.

– Сопля! – рассердился старик. – Шестьдесят лет Великой Победы! Иди отсюда, не гневи.

– Воровать, дед, тоже с умом нужно, дабы не вводить судей во искушение. Они, между прочим, тоже не все на фронте были и годовщины считают. Это что валяется?

Дед Федя посмотрел под колесо прицепа. Там лежал кирпич.

– Тьфу ты, черт! – Он нырнул под прицеп и быстро упрятал кирпич под брезент.

Теперь polegавший кейс можно было опустить в руке, придерживая отваливающуюся его крышку указательным пальцем.

– Это называется, – назидательно говорил Пикулин, наблюдая, как старик спешит сесть за руль, – оставление вещественных доказательств на месте преступления. Я тебе честно скажу, дядя Федя, ваше поколение – ни украсть, ни покараулить. Все бы строили, строили... Сначала Власть Советов, потом плотины, потом коммунизм... И, наконец, построили...

– Пшел отсюда! – гаркнул вконец рассерженный старик, и его «Москвич», хлопнув дверцей, как люком чердака, взревел изношенным двигателем.

Дойдя до помойки во дворе дома в соседнем квартале, Сашка опустил кейс в один из баков. Вынул из кармана телефон, набрал номер, обрадовался, что директор взял трубку сразу.

– Это я, Бронислав Олегович, Пикулин. Заболел я. Не выйду завтра. Грипп.

– Куриный, что ли?

– Анализы еще не готовы.

– Я через трубку эту птичью болезнь слышу – «перепил» называется. Не выйдет он!.. А кто выйдет? Я за руль сяду?

– Нет, я, наверное, сяду. Заражу человек тридцать холмчан и гостей города гриппом, а в конце смены потеряю сознание и устрою ДТП с летальным исходом для клиента. Причем, как назло, окажется так, что это будет кто-то из Горсовета. А когда меня придут брать двое в синем и двое в штатском, скажу, что директора о возможных последствиях я предупреждал. Но ни он, ни врач парка...

– Сколько болеть будешь? – присмирив, поинтересовался Илюшин.

– Дня три, никак не меньше. Хотя говорят, что с гриппом лежат две недели.

– На премию за январь не рассчитывай.

– Права не имеете. Я в Европейский суд по правам человека подам.

– Саша, – рассердился Илюшин не хуже деда Феди, – ты как отсидел, сразу такой юридически грамотный стал!

– А у нас по лагерному радио пять лет Уголовный кодекс читали. От слов «Принят Государственной Думой двадцать четвертого мая одна тысяча девятьсот девяносто шестого года» до статьи триста шестидесятой «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой». Я посчитал – триста шестьдесят два раза прочитали. Говорят, кто пятнашку отсидел, потом экстерном юрфак МГУ заканчивали...

– Ладно, лечись, – разрешил Илюшин. – А то я вижу, у тебя на фоне гриппа обострения начались.

Закончив разговор, директор мучил себя только одной мыслью: «Кто сядет вместо Пикулина?.. Кто сядет?..» Едва он положил трубку на рычаги, его телефон затрещал пронзительной трелью. Раздраженно сдернув трубку и не теряя назойливой мысли, он рявкнул в нее:

– Кто?

– Что значит – кто? – удивленно пробормотал некто низким мужским баритоном. – Я же не в дверь вам стучу...

Часов до четырех Сашка бродил по улицам без конкретной цели. Как ни противился самому себе, а тысячу из заначки под подоконником взять все-таки пришлось. Ходить по городу с пустыми карманами и глазеть на витрины ему не улыбалось, да и чувство голода одолевает. Отсчитав двадцать полтинников, он сунул их в карман перед тем, как заняться в квартире выработкой легенды. Сейчас выходило, что совать тысячу в карман гораздо легче, чем выстраивать себе обоснованное алиби.

Около пяти часов, присев на лавке у городского сквера с бутылкой «Миллера» в руке, Сашка стал ощущать легкий дискомфорт. Это как если бы в камере начать раздавать карты, а шнырь, который был выставлен у дверей на случай шухера, вдруг уснул. И теперь в дверь камеры смотрит не его глаз, наружу, а глаз надзирателя, вовнутрь.

Пять лет заключения приучили Сашку к особым правилам поведения в неприятных ситуациях.

Во-первых, никогда нельзя идти на открытый конфликт.

Во-вторых, никогда нельзя суетиться и выдавать своих истинных чувств и мыслей.

В-третьих, никогда и ничего не нужно бояться без особых на то причин.

И, наконец, в-четвертых. Никогда и ни при каких обстоятельствах никому нельзя верить. От ментов до адвокатов и подельников. Верить нужно только себе даже в том случае, когда поступаешь неправильно, ибо ты единственный, кто тебя никогда не продаст.

Существует еще много правил, которые Сашка приобрел за колючей проволокой и высокими стенами общего режима, но эти четыре универсальны и подходят ко всем ситуациям. Как один и тот же ключ подходит к «собачникам» всех милицейских «узикув», или один и тот же ключ подходит ко всем милицейским наручникам.

Дискомфорт, он был. Причем Сашка чувствовал его именно как взгляд надзирателя в «глазок» камеры в тот момент, когда в камере происходило что-то, не укладывающееся в распорядок дня тюремной администрации.

Раскинув по спинке лавочки руки, Пикулин приобрел вид расслабившегося под действием хорошего пива человека и заложил ногу на ногу. Рабочую куртку, ее заднюю часть, жгло так, что ему хотелось немедленно обернуться, чтобы увидеть того или тех, кто проявляет к нему такое явное внимание.

«Сглазите, сволочи, – спокойно подумал он. – А если вот так...»

Резко поднявшись, он развернулся кругом и слегка потянулся, словно распрямляя затекшие на морозе длани. Вся панорама за его спиной теперь открылась перед ним, он охватил ее полностью и сразу.

Увидел он двух девчушек, сидящих за его спиной на такой же голубой и такой же обшарпанной лавке, молодую пару, шествующую мимо них под руку, и двух молодых людей, сидящих по правую руку от девчушек на той же лавке, но не имеющих к указанным особам никакого отношения. Опытному эку, как и опытному оперативному работнику, хорошо известно, что искать в данной ситуации нужно того, кто попытается первым сделать вид, будто резко поднявшийся с лавки парень с бутылкой пива интересует его меньше всех. Не менее всего, а именно – меньше всех окружающих.

Девчушки взгляд не только не оторвали, но даже улыбнулись.

Пара влюбленных посмотрела на него одинаково сожалеюще – у Пикулина не было пары, значит, он был самым несчастным на свете. И они, прежде чем отвернуться, даже не взяли на себя труд скрыть это сожаление.

А вот двое молодых людей сразу посмотрели в стороны. Причем сделали это настолько глупо, что Сашке даже захотелось улыбнуться. Один из сидящих посмотрел направо, второй – налево. Они просто сидят и скучают! Два крепких мужика лет под тридцать, в дорогих кожаных куртках, норковых шапках и дорогой обуви, пришли сюда, чтобы посидеть вместе и помолчать. Но в этом случае даже пидоры что-то бормочут. Или это поругавшиеся пидоры?

«Миллер» слишком дорогой напиток, чтобы его выбрасывать. Пить Сашке не хотелось, но если бы он опустил полбутылки пива стоимостью в доллар в урну, он тут же нарушил бы свое второе правило. А потому пришлось допить прямо из горлышка, стоя, после чего с сожалением посмотреть на золотистую этикетку, крикнуть и положить тару в урну.

Нужно закурить, не сходя с места. Нет ни одного мужика, которому сразу после опустошения пивной емкости не захотелось бы закурить. Пусть теперь эти двое фраеров подумают, будто он чувствует что-то еще, помимо дичайшего мужского кайфа! Даже в голову им это не придет.

А теперь нужно идти туда, где легко затеряться. Но сначала убедиться в том, что он не ошибся. Сделав не более двух десятков шагов и дождавшись порыва ветра, он резко обернулся, поднимая воротник куртки и чуть наклоняясь.

И сердце его заколотилось чаще – двое уже не сидели на лавке, они вышли на ту дорогу, по которой удалялся от сквера он.

Двигаясь к центральной площади города, Сашка думал быстро, но без лихорадки.

Одеваться так, как одеты эти двое, холмские менты не станут. И «топтуны» местного управления ФСБ – тоже. Портрет среднестатистического сыщика обеих структур города Холмска – пуховик или удлиненная кожаная куртка китайского, в лучшем случае турецкого производства, джинсы того же производства и обувь из прессованной некондиционной кожи из того же Китая, которую азербайджанцы на вещевом рынке у речки Холма называют «чистый кожа, пжалуста, дешева, Италия».

На двоих сзади (до площади Сашка еще дважды спасался от ветра) куртки были из салонов мужской одежды, джинсы не менее чем в половину месячной оплаты труда сотруд-

ников правоохранительных органов и обувь... Обувь была больной темой Пикулина. Помимо «девятки» цвета «корсика», он мечтал купить себе настоящую зимнюю и летнюю обувь. Он знал толк в туфлях и зимних ботинках. Непременно от Тоскани, а те меньше шести и восьми соответственно не стоят. Обуть себя так на зиму – это все равно как обуть «девятку» в новую шипованную резину «Nokkian Hakkaapelite» последней модели.

Так вот, на обоих была обувь, стоимость которой приравнивалась к стоимости двух комплектов финской зимней «резины».

Милицией за спиной и не пахнет. Это Сашка, познававший науку жизни пять лет без выходных, мог сказать безошибочно. Более того, холмские опера, будь это они, давно подошли бы к нему, предъявили свои красные, оклеенные клейкой лентой удостоверения и выразили претензии относительно того, что Пикулин, вопреки новому закону Думы, распивает алкоголь в общественном месте.

Предъява за пиво – это так, повод поместить «пассажира» в дежурную часть ГУВД. Причина начнет открываться после.

«Скажите, Пикулин, где вы были в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое января?» – «Скажите, Пикулин, а почему вы нервничаете сразу?» – «Пикулин, вы отсидевший и знаете, что явка с повинной облегчает совесть».

А эти ничего, идут.

Жаль, в Холмске нет метро.

Говорят, там удобно «рубить хвосты». Придется пользоваться тем, что есть сейчас.

Дойдя до кинотеатра «Свобода», он направился к кассам. И вдруг двинулся к стоянке такси. Потом передумал и пошел к гастроному. И вдруг вышел на дорогу, поднял руку и коротко свистнул.

Желтая «Волга» пятого таксопарка, чуть проехав колесами по наледи, остановилась перед ним, и Витя Кашин, склонясь под зеркало, покрутил пальцем у виска.

Заскочив в салон, Сашка бросил в консоль один из полтинников (таксисты таксистам всегда платят) и выдохнул:

– Давай, вперед! Видишь, двое сзади. – Кашин уже гнал машину по дороге и теперь вынужден был смотреть в зеркало.

– Ну, вижу.

– Один из них не может простить мне развода с женой, – объяснил Саня. – Она его просит – прости и прости, а он все не может.

– Доведут тебя амурные дела до плахи, – посетовал пятидесятилетний Кашин.

– Она говорила, что не замужем... Витя, ты видишь сзади синий «Мерседес»? Они уже там, Витя...

– «Мерседес»? – удивился Кашин, соображая, кто из жен тех, кто имеет в Холмске такие машины, мог говорить Пикулину, что не замужем. – Высадить тебя, что ли, к чертовой маме?

– Только попробуй. Останусь жив – скажу Илюшину, где ты добываешь копии чеков на запчасти.

– Думаю, не останешься, – буркнул Кашин, но включил пятую и стал делать за рулем то, что обычно делал Сашка, выступая на соревнованиях.

Странное дело: казалось, водитель «Мерседеса» плохо ориентируется на местности. Кашин, знающий Холмск, как свою квартиру, нырял во дворы, проезжал под бельевыми веревками, шлифуя простынями кузов, выскакивал на дорогу, и только спустя некоторое время на ту же дорогу неуверенно выбирался «трехсотый», следовавший совсем другим маршрутом. Водитель иномарки ехал скорее по наитию, нежели правильно вычисляя действия того, кто управлял «Волгой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.